

НФ «Литературный фонд имени В. И. Сядневой»

**ДЕВЯТЫЕ СЛЯДНЕВСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ**

Литература Ставрополя:
из прошлого в будущее

Ставрополь, 2023

ДЕВЯТЫЕ СЛЯДНЕВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ: «Литература Ставрополя: из прошлого в будущее»: сборник / НФ «Литературный фонд имени В. И. Сляднейвой»; сост. Л. Ф. Игнатова. – Ставрополь, 2023. – 93 с.

Ответственный за выпуск: Л. Ф. Игнатова
Тех. редакция и верстка: М. В. Игнатов

НФ «Литературный фонд имени В. И. Сляднейвой, 2023

Оглавление

Шматко Л. И. Развивая сотрудничество	4
Водопады памяти	5
Панаско Е. В. Опыт словаря ставропольского говора.....	15
Дайджест	24
Лихонос Е. В. Краеведение в спецформате: об обеспечении доступности творчества авторов Ставрополя читателям с нарушением зрения	29
Полумискова Е. П. Некоторые воспоминания	29
Лангуева-Сухорукова Т. Душа поёт.....	36
Быкова Н. П. Город Ставрополь в поэзии Валентины Слядневой	40
Чекалов П. К. Литературный Ставрополь	48
Черная Т. К. Поколение	58
Головко В. М.«Ваш подмосковный ставрополец – Виктор Боков»	68
Иванова Е. Л. Поэт от неба и земли	72
Чекалов П. К. Отражение малой родины в лирике И. В. Кашпурова.....	75
Бутенко В. Берег сбывшихся надежд	91
Красуля В. А. Поэзии священный бред	92

Развивая сотрудничество

*Шматко Лариса Ивановна,
Председатель НФ «Литературный
фонд имени В. И. Сядневой»*

Сядневские литературные чтения уже прочно вошли в культурную жизнь края. Их главная цель – популяризация творчества В. И. Сядневой и других писателей Ставрополя, являющихся неотъемлемой частью национального достояния России. Они способствуют формированию интереса к литературному, культурному наследию «малой родины», в первую очередь, подростков и молодежи, что и определяет необходимость изучения, сохранения и передачи его будущим поколениям.

Мы стараемся, чтобы сборники Чтений несли информацию литературоведческого и краеведческого характера и были интересны и полезны для работы библиотекарей, преподавателей, студентов, широких кругов читателей.

В настоящем сборнике, а его традиционно открывает блок, посвященный В. И. Сядневой, нам очень захотелось поговорить о Валентине Ивановне как о прозаике. Мы собрали литературоведческие работы и отзывы коллег о ее рассказах. В них так много ее души, её отношения к жизни, к малой Родине, к людям, ее населяющим.

Важным звеном этого своеобразного дайджеста является «Опыт словаря ставропольского говора», подготовленного к изданию сборника «Перепелиная душа» Евгением Викторовичем Панаско, замечательным писателем и издателем, глубоко заинтересованном в продвижении творчества своих коллег. А понять истоки любви к родной земле помогут «Водопады памяти» (Авторизованная проза вместо предисловия), написанная В. И. Сядневой к собранию сочинений в пяти томах.

Второй блок отправляет нас к Ставрополю литературному, его образу через творчество как В. И. Сядневой, так и других поэтов Ставрополя.

Название Чтений – «Литература Ставрополя: из прошлого в будущее» – и тематика обращает нас творчеству писателей и поэтов, которых с нами нет давно и наших современников.

Изучение и пропаганда творчества ставропольских поэтов и писателей органично объединяет Литфонд с краевыми и муниципальными библиотеками, домами детского творчества края, другими учреждениями образования, культуры и искусства, заинтересованными в создании благоприятной среды для повышения культурного уровня молодежи. Уверена, такая работа очень нужна, потому что она, в первую очередь, нацелена на

просвещение молодежи, формирование мировоззрения молодых патриотов своей страны, любящих и знающих книги своих талантливых земляков.

Водопады памяти¹

Сляднева В. И.

Авторизованная проза вместо предисловия

И думать не думала я, что раннее увлечение поэзией приведёт меня к занятию, странному для маленькой пастушки, пропадающей все дни на косогорах, зацелованных то ветрами, то ливнями.

Встану утром рано-рано,
Когда звёзды в небе гаснут.
В синей бурке из тумана
Побреду по сонным травам
Очарованным подпаском.

Это одно из первых стихотворений, написанных в те безмятежные годы. Стихи приходили и уходили подобно налетевшим порывам ветра – вот только что были и пропали...

Казалось, ничего нет, кроме сияния капелек росы на балеринах-ромашках, кувшинках, на пляшущей ковылёвой флотилии, уплывающей к реке Мутнянке, к Мамайке, по которым тянулся камыш, похожий на павлиний хвост, к пруду, где «полощет сазан кафтан из чистого серебра».

...Иногда мне хочется вернуться в мою раннюю юность, в мой мир, к стёжкам-дорожкам, обладательницей которых останусь навсегда. Ничто не может разрушить этот мир, защищенный от всего снопами искрящихся лучей, горой, уходящими в небо, скирдами сена, родниковыми колодцами. И вовсе не казался мне этот мир маленьким. Он был многоцветным, широким, поющим. Меня несли облака на своих крыльях над виднеющимся Ставрополем, где «белокрылые ласточки ластятся к белым домам», где «белые камни, как белые кони, пасутся на склоне...»

Образность и метафоричность я ценила в поэзии больше всего. Только позднее я стану задумываться о том, что не всегда воображение превосходит реальную жизнь. Никакая метафора не может передать многоцветье переживаний, которые с такой немислимой щедростью дарит нам жизнь.

¹ Сляднева В. И. // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Нашептали мне колосья: лирика. – М., 2012. – С. 5–20.

Действительность меня не бедностью пугала, не жмыхом, которым мы стачивали некрепкие зубы, не супом, непонятно из чего приготовленным, не хлебом из ячменной муки крупного помола, а многими, порой грубыми обвалами неожиданностей, трагедиями станичной жизни, ломовой, изнурительной работой.

Невозможно представить начало моей жизни без природы. Я просыпалась от ярких лучей, льющихся в окно с горы, из-за которой солнце появлялось над долиной, протянувшейся на семнадцать километров. Бывало, окно плакало, но и тогда за ним открывался одухотворённый и удивительный мир. Именно «открывался», потому что был всегда «новым». Мне кажется, что жизнь негородского человека растворена в природе или слита с нею: с лугами и полями, просёлками. Он и сам – часть природы и так же терпелив.

Он полон света и восторга в начале своей жизни:

Душа моя здесь остаётся
Цветущей, как на косогоре цветов.
Сколько счастья виделось за рекой,
просёлочком!
Молодость мне выдалась –
Божия светёлочка:
Никакого топота, никакого гомона!
Не была измотана, не была изломана...

О живой душе, о том, как её сохранить, я стала задумываться не по годам рано. Мне бы хотелось, чтоб дети подольше оставались детьми и не «ломались», как молодые веточки.

Суровая жизнь не «постучалась» в душу мне – она вломилась в неё. А как хотелось быть поближе к шёлковой траве, к мягким губам жеребят, щекочущих ладонь, к набирающим молочную сладость колоскам.

Налетело время чёрной стаей,
Дни мои погнало торопя,
Я из-за него другою стала,
Не похожей на саму себя...

Но зато я была похожей на всех детей округи. У нас у всех были в руках вёдра с водой из колодца, хворостинки для овечек и коз, вязанки хвороста. А главное, – тот молодой яростный порыв! А какие радостные птицы в сенокосную страду, в пору гнездования! Как быстро они привыкают к людям:

...Дайте крылья, – я им говорю,
Ведь без крыльев мы, люди, – калеки.

Я хотела бы с вами в зарю
Полететь, чтоб обжечься навеки...

Не передать словами этот густой, как мёд, воздух молодого лета! Настигающую тебя колесницу золотых лучей, а ты, устав бежать, падаешь, жмуришься. Руки – вялые, ноги ватные, а душа разлилась до самого горизонта. Нет её!

Люди, которых я хорошо знала, были героями того времени, трудились до ночи в доме, в поле, на фермах. Надо было подниматься из разрухи. Фашистская петля ещё десятилетия не давала дышать. Люди лезли из кожи вон, по горсточке семена собирали, чтоб земля не «гуляла» и чтоб кормились народ, выводки гусят, худоба, – так называли у нас коров и прочую домашнюю живность.

Мои взгляды на жизнь формировались под влиянием событий, происходящих у меня на глазах. Были незыблемыми неписаные законы служения долгу, чести. Но осознание этого придёт позднее. А пока, какой удивительный мир окружает меня! Какие огненные «змеи» летают у меня над головой! И грозы громахают по небесной крыше.

— Страшно? – кричит моя сестра Марийка, бегущая со мной с холма, где мы оставили коров, куда пойдут потом женщины доить своих кормилиц, – а я ничего ответить не могу от страха и ледяного ливня. Стучу зубами, головой трясусь, как кубышкой. Любила эти кубышки мама выращивать на огороде, чтоб припасец какой хранить, грудочки сахара, рис для кутьи на Пасху, пшено для цыплят. Да мало ли ещё чего хранилось хорошего в нашей крытой соломой саманной хате! Красивый-то дедовский дом, построенный им вместе с сыновьями из камня, накорчёванного «в горе», забрала ещё в двадцатые годы новая власть под контору. Осталась заросшая травой горка золы, заросли сирени, да полуразрушенная печка с трубой долго ещё «красовалась» во дворе. Отец вспоминал: «Это всё моё наследство осталось». Как оказалось, и впрямь наследство – нашли под загнеткой серебряные оклады от церковных книг:

И мне жалко деда Мишку, что от горя заболел,
И меньшей его сынишка грамоту не одолел...

...И почти весь наш род и по отцовской, и по материнской линии вымер от голода в тридцать третьем году. Ивана Михайловича Сляднева, моего будущего отца, спас случай:

Давно это было, но было то горе.
Станица от голода глохла.

Гнедая кобыла не вышла на гору –
Упала и сдохла...

Пелагея Мироновна, моя мать, поднялась на эту гору и полдня «петалась» вместе с возницей, отрезая куски мяса павшей лошади.

Выходила мама отца, отпаивая наваристой жижей из конины...

О том времени не только писать, но и вспоминать страшно. Сколько станиц вымерло! До последней горсточки выгребали пшеничку. В городах тоже был голод. Сиротела страна без людей. А смерть косила и старых, и малых. На кладбище десятки общих могил, зачастую безымянных, с невысокими оградами:

Сидели на оградке вороны,
Устав по кладбищу ходить.

А ветер мчался во все стороны,
Стремясь станицу разбудить.

Были в нашем роду и служители церкви. И царю служили казаки, с конями и упряжью уходили из станиц.

Где ты, Антипа, мой сродник, скажи,
Первой руки оружейник из Тулы?
Сабли твои обвивают ужи –
Клич Шамиля среди ущельного гула.
На всех буграх Русь – Аланской земли
Сабли твои багровея трепещут,
Снова откуда-то цепи взошли
Всадников-горцев. И кровушка хлещет.

Из-под Тулы, из-под Курска ехали россияне на Кавказ по указу императрицы, спасаясь от безземелья. Выдавались кой-какие деньги, но трагичен был переезд этот. Лошади падали, люди впрягались и тоже падали. И чаще всего бросали всё, что могло бы помочь им обжиться на новых местах...

Люблю и теперь я проехаться по своему любимому месту на земле, походить по музеям. Возьму в руки какую-нибудь старинную вещь, задумаюсь о прошлом. Заворожила меня эта прекрасная старина с героическими подвигами, землепашеством, с этими вышитыми полотенчиками на божницах, с удивительными протяжными песнями.

Так хочется порой заглянуть во вчерашний день да и посидеть часок-другой с однокровниками:

Делят радость и печаль за стеною домочадцы.

Я стучу, но в эту даль разве можно достучаться?

История загадочна и притягательна. Я, иногда мне кажется, зримо представляю своих предков:

Что песни пели, собирали мёд,
Хранили родниковые колодцы...

Да не оттого ли это, что в нас живёт память и пытается нас разбудить, пробиться к нам сквозь время?! Соединить былое и теперешнее в одно целое...

Мало, мало по России у нас музеев, мало туда ходит молодёжь! Прошлая жизнь – это наш сегодняшний день, конечно, без всякой жалости исковерканный:

Пока плеснулась под мостом
Твоя плотвичка среди ила,
То Русь Великая холстов
Уже немало набелила...

А эти холсты тоже пришли ко мне однажды. Заезжий художник на топчане во дворе у соседки рисовал «ковры» масляной краской – где плещет синева, где розы цветут и птицы круги чертят. Бегу я к маме: «Холста уже не остаётся! Не будет у нас коврика!» А у неё то стирка, то цыплята вылупляются... Косынку беленькую кидает на голову, деньги в кулачок зажимает... «Вот он, твой коврик!»

И у нас, где подушки с прошвами,
По водице поплыли лебеди...
Я их глажу, перышки трогаю,
И молчат они, безответные,
А отец мой и мать растроганы,
Что мечты у меня разноцветные...

Трудовая биография, которая началась у меня рано, дала энергетический «мускул» моему творчеству. Она лепила из меня человека советской формации со всеми противоречиями, идеологией.

Но что в ту пору знал народ, далёкий от политики!

А дни «всходили» и «заходили», принося всё новые «открытия» и порой – невероятную усталость.

А ну побегай по горкам и ярочкам за овечками, «сгоняй», как мама говорила, в котлину за свежей травкой для коровушки-кормилицы, кроликов...

Намечалось новое понимание жизни, «переливалось» оно через край души. И ей, душе, тоже надо было расти, становиться необозримой:

...Даже если вокруг ничего –
Ни тропы, ни звезды, ни огня –
Создаю я свой мир.
И его Бесконечность пугает меня.

А какая замечательная школа – участие в жизни станицы, где судьба каждого человека – книга!

Наплачешься и насмеёшься, читая её. Язык народный, любовь к нему из неё, из этой книги!

Сегодня, когда я подступилась к изданию пятитомника, могу перелистывать свою жизнь в любой последовательности, задерживаясь на отдельных годах, днях, мгновениях, могу сказать, что эта жизнь никогда не была для меня без «завтрашнего» дня, без большой родины, без любви.

И что Бога гневить – много прекрасного было в моём времени! Как не написать о нём, о людях, которые «по зелёным поездам, по салонам самолётов, нынче здесь, а завтра – там» – были рядом, носили всё те же послевоенные лохмотья:

С той поры, как повитуха
Мне подарила белый свет,
Я шла со всеми по разрухе,
По пням послевоенных лет.

Обыкновенная моя судьба, похожая на тысячи других, была главной моей темой. И я эту жизнь не отрываю от судеб своих земляков, от судеб моих подруг, офицерских жён, от коллег-учителей в разных концах широкой нашей Родины с глубоким Байкалом, с заливными лугами Северного Кавказа, с синекрылым Уралом и с Заполярьем, где на низких стланиках поджидали меня белые куропатки, залитые сполохами северного сияния.

В те «баснословные года», как говорил Тютчев, пришла ко мне людская жизнь, полыхающие щеки Маслениц и другие праздники с шутками, зажигательными плясками. Никаких слов не хватит описать гамму человеческих чувств!

Стихи о моей большой и малой родине, о богатой истории, о крестьянах, шахтёрах, защитниках Отечества, о студентах, рассказы о любви, о войне, о перепелиных зорях, о сгубленных жизнях мальчиков, ставших «уркаганами», о цыганах – велика география моих книжных «поселенцев»!

Жизнь, как та коробушка, полным полна, широкая и полноводная, как река. Вот они предо мной – и степная кобылица, и небо в ястребиных перьях, и ласточки над карнизом, и серебристый кустик лоха.

Никуда они не делись, как и «золотой» век моей жизни – детство в той надеждинской долине.

Кто заточил меня в клетку с белолисткой,
Лохматой девой красоты окаянной?
В клетке сияла ветка лоха с тихим напевом
И ручеек – баян мой...

Я благодарна судьбе за прекрасный мир, признавший моё место среди людей, слеplенных из слов, тяжёлых, как бульжники, а порой лёгких, как пушинки, и ласковых, как шёлк, из обычаев и понятий добра и зла, – они учили меня ходить по «вилюнкам» времени...

Всегда со мной рядом шла любовь. И что бы я ни сказала о ней, это было бы неправдой: о ней невозможно рассказать. Она – тайна, бабочка, летящая на огонёк.

Почему она уходит? Как она преображает нас! И на что она – жизнь без любви?

И две жизни будет мало
Мне забыть тот миг прекрасный –
Ночь меня поцеловала,
Хоть была такой ненастной.
Жаркой кровью опалил мне
Сердце юноша.
Напрасно
Всё гнала его я силой –
Гулко сердца два согласно
Бьются в искорках залива.

Третий том в собрании сочинений «Острова любви» совершенно сумбурный, без начала и конца, моя блуждающая улыбка, таинственный портал, куда исчезаю, как только изнемогаю от шквала и грохота жизни:

Благодарю тебя, благодарю
За тихую вечернюю зарю,
За шелест нив, разлившихся вокруг,
За жажду, что водой не утолить...
Что буду делать, если станет вдруг
Тебя другая так благодарить?

Все увлечения мои проигрывали в борьбе с данным мне провидением призыванием. Ни любовь, ни летящие кони таёжных, занесённых буранами кедрочей, ни «лазанья» по уральским лесам в поисках «карандашиков» – как местные жители называли раухтопазы, хрустальные друзы, которые – ещё случалось – попадались в отвалах, в старых шахтах, где и косточки золотоискателей, случалось, мелькали – не могли притушить в сердце даже на короткое время огонёк живучей энергии, от которой появлялись и легкость в теле и просветление в глазах.

Мой синий ключ из-под земли забил,
Неведомый цветок с листком зелёным.
Я лишь в него была всю жизнь влюблённой, –
Пусть он меня сжигал или знобил.

Очень рано моя творческая судьба «вплелась» в мою автобиографию, и, как у многих писателей, – в судьбу Родины.

Сколько было золотой полуды
На камнях, упавших с высоты!
Я лампад разбитых изумруды
Собирала, клеила кресты...

А они валились и валились
С тех небес, что не было синей,
Облаками пыльными всё вились
В юности единственной моей...

Моя гора с вершиной, похожей на крышу храма, звала меня не только для того, чтоб я могла напиться из родника, но и – преклонить колени перед чудом природы. С вершины той горы, мне казалось, ближе было до неба, присутствие которого в моей жизни было необходимо.

И близость моя к природе была обусловлена всей моей жизнью и жизнью предков, чей богатый язык был уже частью поэзии.

В собрание сочинений вошли стихи, которые, словно слепок времени, словно сколки живых камней, чуть-чуть приоткрывающих ушедшую даль, «где спит журавель колодезный», где из Покровских ворот на битву с татарами выходят русичи с князем Дмитрием, который станет Донским после битвы.

Красным поныне в сердцах наших течёт Дон:

Тут вся Русь – на весы! С травкою шелковой!
Поле русской слезы – поле Куликово.

Много хороших людей встретила я на своей дороге. Поэтов слушала с благоговением. Помнятся мне беседы с В. Астафьевым, В. Сорокиным, С. Куняевым. Они и определили мой творческий путь. Да разве только они?! В. Белов, В. Распутин мне дороги – как сама родина! Святители моего духа и ушедшие наши классики, проложившие борозды по целине безграмотности нашего народа, сплошной или частичной. Дайте своим детям хорошие добрые книги – и вы не будете содрогаться перед их бездуховностью и бесчеловечностью.

Новым поколениям язык наш народный хранить в чистоте, а как они будут его хранить? Сегодня книги так мало читают. В слове, как в соцветиях, хранятся семена красоты наших лугов покосных! В копнах лугового сена спит запах родины, хранимый не ею ли самой? «А кто ж будет хранить сердце родины – память и историю?! – думаю я порой, – кто её будет любить за муки её, за божественную красоту?!»

Не о том ли стон тополя,
Что идёт ко мне рядом с ивою?
Имена, сердца втоптаны
В землю, что зовём милюю.
Родина моя нежная!
Ночь была. Ушла мрачная,
Помоги мне быть сдержанной –
На глазах у всех нет, не плачу я!

О родине все чаянья мои. Я не боюсь показаться кому-то зашоренной, я её полюбила до последней подворотни, до последней собаки, охраняющей эту подворотню. Поднимаются «шалашики» бровей моих, когда я проезжаю мимо погостов, мимо развалин бывших концлагерей, Генерал Карбышев в ледяном панцире стоит, пленённый фашистами, и охраняет незыблемые границы нашей матери-Родины.

И поле Куликово лежит у изголовья любого россиянина. Святой долг любого писателя – служить Отчизне и людям, демократическим традициям национальной литературы. Слово даёт возможность идти в одной упряжи с народом.

В собрание сочинений вошла книга о войне:

Выпекался хлеб для нас с половой,
Со слезой горючей пополам.
«Безотцовщина» – летало это слово
По сиротским выставшим углам.
А всего страшней в моей «империи»

Посредине русской всей судьбы
Были не обитые материей
Маленькие детские гробы.

Никуда не деться поэту от жизни, она в его строчках, как ядрышки в косточках. А боль матерей, вдов, а эти «невозможности» свести концы с концами! Падает мама с оклунком мёрзлой картошки, стягиваем с неё грязную обувь, у отца-калеки текут по лицу слёзы. Отворачивается. А мама:

Достаньте, дети, в мешке картошка,
Подмороженная немножко... –
И с лавки валится. И тихо плачет,
И – к самой маленькой!
Ко мне, значит.
Я пела бы беспечно птахой,
Любви искала б острова,
Когда б не штопала рубаху
Отцовскую без рукава...

Нас настигают облака ароматов ушедших садов, хрустальные брызги водопадов памяти. Настигают и обжигают. Эта память – живой источник творчества, источник любви к людям, к родине.

Благодарна я композиторам и исполнителям моих песен, которые стали как бы моими соавторами и подарили моим словам крылья. Особенно я рада была услышать свои песни в исполнении Сретенского Московского хора. Пели мои песни на Поклонной горе, в Кремлёвском дворце. Лучшие из них войдут в пятый том моего собрания сочинений, которое я посвящаю детям и внукам и всем отпрыскам нашего старинного рода – всем соотечественникам:

Не ведаю, сколько дорог мной исхожено,
Но всюду со мной звон колосьев и шорох ветвей...
Любить мне Россию судьбою положено,
Ей быть суждено лебединою песней моей.
И дочке, и сыну оставлю я Родину,
Её им беречь и печалиться с ней.
И падать им сызнова, и падать им сызнова
В рассветную зелень цветущих полей.
Люблю я покосы и пашни, и пажити,
И облик крестьянки в косынке почти до бровей,
И отчее слово, и память, что нажита...
Россия, былинкой навеки останусь твоей.

Опыт словаря ставропольского говора²

*Панаско Евгений Викторович,
писатель, журналист, издатель*

Сочным, колоритным языком разговаривают герои Валентины Слядневой. Это язык самой жизни, язык села, с детства знакомый писательнице, родившейся и выросшей неподалёку от Ставрополя, в селе Надежда. Казацкий край, населённый русскими, украинцами, многими другими народностями, за поколения, жившие здесь в смешении и общении, породил как бы особый, ставропольский диалект. Иначе и быть не могло, разговоря словами самого автора, сюда «понаехали и хохлы, и кацапы, перемешали разговорный язык так, что и не пытайся передать его особицу: всё тут! И «друзьяки», и «товарки», и «як же ты хочешь», и «а вы не бачили?». И потекла живая народная речь, как... река, то усыхая, то раздаваясь вширь» (из рассказа «Вслед жизни»).

Родившись и выросши на Ставрополье, можно и не ощущать некоторых особенностей здешнего говора – кажется, русский, он и есть русский; что же касается просторечий, то разговорный язык всегда и везде ими полон. Но приезжому сразу бросаются на слух и многочисленные украинизмы в речи ставропольцев, и всякие забавные «куды ж ты бегишь», «чего ж ты хотишь», и таинственные для пришельца степные слова «сакман», «налыгач», «ярлыга» (она же «герлыга»); даже ударение в названии столицы края требует объяснения: почему СтАврополь, а не СтаврОполь, как, допустим, Симферополь? (Объяснение, кстати, достаточно простое, хотя и не очевидное).

Обвыкаясь, осваиваясь в этой речевой среде, можно утратить ощущение её некоторой выделенности в массиве русского языка. А то, что названо автором книги особицей разговорной речи, есть не просто забавный или, порой, курьёзный факт: это ещё и украшение языка, его цветные блёстки, это и память об историческом прошлом. Это – о ставропольском говоре; но своя особица в речи присуща едва ли не каждому уголку огромной нашей России. В этом и прелесть!

Но сегодня мы сталкиваемся с тем фактом, что русский язык унифицируется, урбанизируется; в языке происходят значительные изменения под влиянием средств массовой информации, компьютеризации, вследствие стремительного проникновения на российский рынок товаров западного

² Сляднева В. И. Перепелиная душа / Ставрополь, 1996 – С. 309–317.

производства, из-за переориентировки огромных масс людей в отношении к ценностям жизни и ещё по множеству иных причин.

Процесс этот двойствен; не только порча, но и обогащение языка происходит в любые времена, но особенно, конечно, во времена перемен. Хотим мы того или не хотим, но русский язык впитал в себя лексику и фразеологические обороты языка лагерного; нравится нам это или не нравится, но и так называемая сверхмногозначная грубопросторечная лексика, включая сюда матерную, давно стала частью обыденной речи россиян; бороться нам или не бороться, но на своём жаргоне говорила, говорит и будет говорить по-русски молодёжь школьная, студенческая, рабочая.

Быть может, язык сегодня больше приобретает, чем теряет: пусть даже с издержками и раздражающими ошибками. Но в то же время совершенно очевидно, что язык *теряет*.

В прошлом году нашим издательством выпущена брошюра «Музыка народной души», подготовленная Ставропольским краевым центром народной культуры. Этой небольшой книжечкой – итогом работы одной из фольклорных экспедиций в Степновском районе края – зафиксированы два десятка народных песен, слышанных сегодняшними песенницами ещё от своих бабушек. Песни казачьи, лирические, бытовые. Они всё ещё живут в народе; но вот факт: иной раз слушатели уже с трудом понимают смысл текста, более того – сами исполнители затрудняются объяснить значение того или иного слова, дошедшего в песне из глубины лет до сегодняшнего дня. Например, в песне «Черноморец» (вообще несколько загадочной, хотя очевидно, что черноморец – это казак Черноморского казацкого войска на Кубани, самостоятельно существовавшего до 1860 года) казак выводит девушку босую на мороз и допытывается у неё, «чи е мороз, чи нимае». Далее текст записан фонетически следующим образом:

Простояла ноченьку тай пайду же,
А на третью ноченьку змэрзла дюже.

Расшифровка явно неверная: вместо русского «пойду же» (куда?) в песне, что очевидно, украинское слово «байдуже» (невозмутимо, равнодушно), то есть «молодэсыньюкой» вначале был мороз нипочём, а затем уже девушка замёрзла.

Разумеется, этот случай достаточно прост. Но он заставил задуматься: всегда ли издательству следует полагаться на то, что писатель найдёт своего читателя, и этот читатель всегда и *во всём* поймёт автора? Быть может, сегодняшнему читателю, пусть и не каждому, но следует помочь?

Именно поэтому, готовя к изданию сборник рассказов Валентины Слядневой, мы решили снабдить его небольшим словариком. Думается, он не

помешает тем читателям, которым ставропольский говор так же близок и знаком, как автору, но поможет тем, кто не знает его.

Заметим, что явление, конечно, значительно шире, чем можно судить по представленному здесь материалу, почерпнутому исключительно из включённых в этот сборник рассказов Валентины Слядневой. Ставропольский говор живёт, прежде всего, в основной своей – устной, летучей форме. Но эта народная речь, которую так хорошо знает писательница, столь же близка и многим её коллегам. Достаточно назвать, например, Тимофея Шелухина, Владимира Бутенко; замечательно чувствует слово блестящий стилист Георгий Шумаров; да и другим прозаикам и поэтам Ставрополя не чужд народный язык, ставропольский говор. Он проникает и в журналистские материалы, на страницы периодики, так что специалисту-языковеду, желающему исследовать явление шире и глубже, достанет материала. Мы же здесь ограничились задачей справочно-сопроводительного характера, не преследуя иных целей.

Значительное количество слов, включённых в словарик (около трети) – украинизмы, но есть и слова иного происхождения, прежде всего – из общего корпуса русской лексики. Однако в ставропольском произношении зачастую изменяется фонетика, а в некоторых случаях и семантика. Пометы при поясняемых словах указывают на их источник либо на особицу употребления в данном контексте. В ряде случаев, на которые указывает помета (*авт.*), использованы объяснения смысла, данные самим автором книги.

Абò (*укр.*) или, либо; разве, нешто.

адàт (*араб.*) неписанный закон, обычай у народов, исповедающих ислам; адат рассматривается как дополнение к шариату.

анадысь *тоже, что* надысь (*В. И. Даль*) намедни, на днях.

анцйбал (*казац.*) то же, что анчибел.

анчйбел, анчүтка нечистый дух; бесёнок.

арба (*на Кавказе*) длинная четырёхколёсная повозка для упряжки волов.

баз, базòк огороженная площадка или крытый двор для скота; (*казац.*) двор.

байдуже, байдүже (*укр.*) безразлично, невозмутимо, равнодушно; всё равно; нипочём.

баляхленький (*авт.*) подросший, окрепший; крепенький.

бачить (*укр.*) видеть.

бедарка (*укр. бідарка*) двуколка; двухколёсная повозка без рессор.

белолйстка *здесь*: ветла.

белявый (*укр. білявий*) белокурый; белобрысый.

берёмка (*В. И. Даль* беремя; *укр.* оберемок) охалка, сколько можно обнять руками; вязанка.

блукать (*укр.*) блуждать, бродить; слоняться без дела.

блымать (*укр.*) хлопать глазами; мигать, мелькать; брезжить, трепетать.

брошенка жена, брошенная мужем; женщина, оставленная любовником.

брухтануть, брухтать боднуть, бодать (рогами); *ср.* **брухт** (*укр.*) лом.

будылья (*казац.*) сухие стебли сорных растений.

булгачить беспокоить, будоражить, волновать.

в дорози (*от укр.* по дорозі) по дороге, в пути.

варнак (*устар.*) бежавший с каторги; каторжник; *здесь:* человек, презирающий людские законы.

варначить *здесь:* разбойничать; браконьерничать.

вековуха одинокая женщина, не бывшая замужем; *здесь также:* не дождавшаяся внуков.

вечерять (*укр.*) ужинать.

вилюнки (вилюнками ехать) *от* **вилять** – двигаться из стороны в сторону, по извилистой линии; колебаться.

вытулиться *от* вытулять, вытулить (*В. И. Даль*) выставлять, высовывать, выпучивать, выпяливать.

габла (*авт.*) *инвективное выражение, означающее:* крупная, но худая (плоская?) женщина. *Происхождение неясно: возможно, от* габра (*у В. И. Даля –* габара) плоскодонное судно, лодка- плоскодонка.

гайдуковать *в русском языке давно существует слово* гайдук (*от венг.* hajduk – погонщик), *означавшее разные понятия:* казак-повстанец; выездной лакей; род народной пляски; необычайно рослый человек; *даже* работник, батрак (*в Тамб. губ. – В. И. Даль*). *Здесь, по-видимому, смешивается с* гайда, айда (*татар.*) пойдём и соответственно *означает –* бегать, шататься (где-то), жить вольной жизнью; бездельничать, зря тратить время.

гамузом (*укр.*) всё вместе; огулом.

годувать, годуют (*укр.*) кормить, питать; кормят.

горец птичий спорыш.

господарыня (*укр.*) хозяйка; госпожа (*с иронией*).

грубка (*укр.*) печка; голландка (кафельная печь).

гримза *инвективное выражение; означает обычно:* старый, ворчливый человек.

грякнуть (*укр.*) громко стукнуть.

гуртоваться (*укр.*) собираться в стадо; сплачиваться, объединяться.

густѣра рыба сем. карповых, напоминает леща. (*Словари дают иное ударение: густера̀*).

гэть (*укр.*) долой; вон.

да̀ве *то же, что давеча* – за несколько времени до настоящей минуты; **да̀ве** у *В. И. Даля* – не так давно, незадолго, но сегодня же.

дебе́лый во всех словарях даётся обычно через *е* (**дебелый**) упитанный, плотный, толстый; в *укр.* означает ещё и крепкий, тяжёлый, прочный. На *Ставрополье*, как правило, это слово употребляют через *ё*.

де́рть крупно драное зерно (*В. И. Даль*)] зерно грубого помола на корм скоту. **до побачення** (*укр.*) до свидания.

до́енка *то же, что дойник, подойник* – специальный сосуд, ведро, в которое доят молоко.

домосе́дить проводить свободное время дома.

до́ня (*укр.*) дочурка, дочушка.

жалковать жалеть.

жерли́ка (*В. И. Даль*) уда на щук: крючок на проволоке в пол-аршина, чтобы щука не перекусила лесы; *то же, что жерлица*.

заве́ться от завеять в знач. унести далеко ветром; в перен. смысле загулять.

зага́ртывать (*укр.* загортати) завёртывать, обвёртывать; запахнуть, отворотить (полу одежды).

заманно, заманный от заманивать – привлекать чем-либо, завлекать, соблазнять.

заосе́нять здесь: объявиться явным признакам осени; похолодать после летнего тепла.

затраве́ть, затраве́вший покрыться травой; зазеленевший; у *В. И. Даля* **затравнеть** – задернуть, замураветь.

захурт́ить, хурта́ ср. с *укр.* хурделити – мести, кружить, выюжить; хурдига – вьюга, метель, буран.

зе́нки (*груб, прост.*) глаза.

зорева́ть здесь: спать, досыпать на рассвете. **извозюка́ться** *то же, что извози́ться* – перепачкаться, вымазаться.

изре́панный, поре́паный от *укр.* репатися – трескаться, растрескиваться.

исчеря́вать здесь: исцарапать.

каза́н котёл с выпуклым дном, чугу́н; **казанок** – котелок.

казанки́ суставные косточки (бараньи, свиные и др. дом. животных), употребляемые для детских игр; альчики; кочи (*груз.*).

кема́рить дремать.

киза́к (*казац.*) утоптанная смесь перепрелого навоза и соломы, нарезанная в кубики; служит топливом в безлесных степях.

колготà *здесь*: маета; возня, хлопоты; *ср. у В. И. Даля*: **колготать** – спорить, вздорить, ворчать; **колготун** – брюзга, сварливый.

колдубàнка *то же, что колдобина в знач.* глубокое место, яма в реке, озере, пруде; **колдубань** (*В. И. Даль*) котловинка, крутая ямина с водою.

колтуниться (с поллюбовниками) *здесь*: постоянно проводить время с кем-либо; *видимо, в перен. знач. от колтун* – спутанные и склеенные в плотную массу волосы.

Колы (*укр.*) когда; **нема колы** – некогда.

копанёк *от копань* (*укр.*) неглубокий колодец без сруба; яма для собирания воды. *У В. И. Даля говорится*: деревня, исподволь при копанях поселившаяся, нередко также называется копанями. *Обычный топоним для Ставрополя; напр.:* Куликовы Копани (*Туркменский район*).

корешевать дружить.

кòтлина, кòтлинка (*В. И. Даль*) глубокая ямина, котловина; *ср. котлубань* (*казац.*) углубление на ровной поверхности степи, котловина.

кохàть (*укр.*) *здесь*: заботливо растить; холить, лелеять.

кульгà (*казац.* жердèла) дикий абрикос (в отличие от садового); *также курага* (*дерево и плоды, а не только сушёные без косточек абрикосы, как в словарях*). *Возможно, от укр. кульгати* – хромать, *в перен. знач.* – быть неполноценным в каком-то отношении.

культста́н *то же, что и полевой, бригадный стан* – место временного расположения полеводческих бригад; культ... – *первая часть слов, обозначающая*: обслуживающий культурные потребности.

кулю́чки *здесь*: игра в прятки. *Ср. с казац. кулюкать* – долго ожидать.

купы́рь род трав семейства зонтичных. *Казачий словарь, однако, даёт другое толкование*: отросток, молодой побег от ствола дерева или злака.

кура́й перекаати-поле.

кыли́кать *здесь*: щекотать, приговаривая: кыли-кыли.

легка́чка *здесь*: легковой автомобиль.

лы́хо, лы́шечко (*укр.*) беда, несчастье; горюшко.

лох кустарник или деревце с серебристыми листьями и съедобными плодами; дикая маслина; пшата (*груз.*).

лягу́н *здесь*: лягушка.

мабу́ть и мабу́ть (*укр.*) вероятно, должно быть.

мажа́ра большая телега с решётчатыми боковыми стенками; *казац. маджара* – двуконный воз с низким и широким кузовом.

малохо́льный глуповатый, недалёкий; умственно недоразвитый.

малюка́шки (*детск.*) мелкота, мелкие; малышня.

мараковàть разбираться в чём-либо, смыслить.

Мату́лиха героиня одного из рассказов получила своё прозвище, «замантулив» пристававшего к ней парня. *Мантулѝть* – (блатн.) работать без продыху; *но также* – избивать

махòтка глиняный горшок; (казац.) низкий кувшин с широким горлом для кислого молока.

махòтки здесь: посудина вообще.

мотòрный (укр.) проворный, расторопный, резвый.

на отлѝчку в отличие, в противоположность (кому, чему).

навѝлень то же, что **навильник** – охапка сена, соломы, поддетая на вилы.

на̀волочь то же, что **наволо́к** – облако, туча, туман.

налѝтаться (авт.) наработаться до устали.

на̀супòренный от укр. супитися – хмуриться, насупливаться.

ненàче (укр.) как будто, вроде как.

нѐтель молодая нетелившаяся корова.

ништѝак (жарг.) неплохо; или, в том же синоним. ряду: ещё не в жилу, но уже клѝво.

обра̀зить (В. И. Даль) придать должный, красивый вид, убрать, украсить. (В отл. от укр. образити – оскорблять).

обрѝзаться здесь: укоротиться, уменьшиться; ссохнуться, съѝжиться.

огирòчки (укр. огірки – огурцы) огурчики.

оклѝнок остаток чего-либо (зерна, муки); неполный мешок (эдак в треть, но не более половины).

остѝдный от остуда (В. И. Даль) охлаждение приязни, размолвка, разлад; *также:* неприятность, обида, стыд, зазор.

остюкѝ щетинистые усики на овсе, ячмене и других колосовых; колосовидные сорные травы, впивающиеся в одежду.

ота̀ва, отàвка (казац. атава) трава, травка, отросшая после первого покоса.

отжѝвѝть здесь: отойти от усталости, отдохнуть, прийти в себя; поправиться (в отл. от **отживать, отжить** – прожить жизнь, кончить свой век).

отпѝтать здесь (авт.): оттяпать, отхватить.

отроковѝца девочка-подросток в возрасте между ребёнком и девушкой; *здесь означает то же, но девочка ещё и дебѝлая.*

оттарга̀ть здесь: утащить (воровское тартать – воровать; обманывать).

охлѝть (укр.) отощать, ослабеть, обессилеть.

пахта̀ жидкость, остающаяся после сбивания масла.

пашанѝчка (казац.) пшеница, пшеничка.

пидѝ (укр.) пойду.

под Котовского под ноль, наголо остричь, обрить голову. (*Г. И. Котовский, герой гражданской войны, как и многие советские руководители того периода, брил голову*).

подельчивый *здесь*: готовый поделиться тем, что имеет; добрый, не жадный.
В отл. от: рукодельный; знающий мастерства, ремёсла (*В. И. Даль*).

полыно́к кустарник, вид полыни.

порёпанн^ый *то же, что* изрепанный.

поставе́ц невысокий шкаф с полками для посуды.

пошвы́дче *от укр.* швидко – быстро, скоро, торопливо.

поя́рская (шерсть) шерсть от первой стрижки молодой овцы.

прибл^азنى́ться *здесь*: привидеться (во сне). У *В. И. Даля* блазнить – соблазнять, искушать, смущать.

прива́дить привлечь, расположить к себе; приручить.

прига́ртывать (*укр.* пригортати) прижать к себе, приласкать; пригребать.

пригола́шивать громко, с причитаниями плакать (*от* голосить).

причё́ты причитания.

прозява́ть прозевать.

протря́хнуть *здесь*: просохнуть; встряхнуться (*в отл. от* протряхну́ть – встряхнуть, вытрясти).

распона́хать (*авт.*) сильно разрезать, распороть руку, ногу; тяжело пораниться.

расшага́канн^ый (*авт.*) распахнутый настежь.

рахо́ба (*от укр.* рахуба) морока, хлопоты; возня.

родо́ва род (поколения); родня; (*укр. ист.*) родовая община.

ро́ки (*укр.*) годы.

рушн^ик (*укр.*) полотенце (обычно вышитое).

ряд (*напр.*: хозяйство ряд любит) *здесь* порядок; *укр.* рядити – управлять, распоряжаться; у *казаков-некр.* ряды рядить – заключать договор.

ря́сно (*укр.*) густо, обильно.

свистобо́лка (*жарг.*) *то же, что* свистулька – девушка лёгкого поведения (но не проститутка).

сгорну́ть *здесь*: снять.

скажи́ться (*укр.*) взбеситься, взбелениться; рехнуться (сойти с ума).

скло (*укр.*) стекло.

сма́лечку с детства, с раннего возраста.

сма́литься *здесь*: взрослому вести себя, как маленькому, по-детски.

солонцева́ть (*укр.* солонцювати) есть, лакомиться чем-то солёным.

спива́ть (*укр.* співати) петь.

стрёну́ть (*прост.*) встретить.

стуганіть (укр. стугоніти) стучать, гудеть.

телепа́ться (укр. теліпатися) болтаться, качаться; тащиться, волочиться (идти медленно).

упы́рхаться (авт.) сильно устать, умяться до одышки.

Халявіха прозвище, данное героине рассказа «Однопалый» Палаге её односельчанами, кажется загадочным: *халява* – голенище сапога; выражение *на халяву* в русск. языке означает *за чужой счёт, бесплатно*. Палата же славилась пристрастием к руганке, крикливым ссорам. Возможное объяснение – в укр. фразеологизме *не роби з губи халяви: не ври, не бреши*. Брехать, лаять, лаяться, т.е. ругаться; та, что ругается без умолку, распускает язык (в укр. – губы) до размеров голенища – халявиха.

хиба́ (укр. хіба) разве, неужели, может быть.

худоба́ (казац.) рогатый скот; (укр.) скот, скотина; имущество, добро; *здесь*: всякая живность без исключения, включая свиней и птицу.

циба́рка железное ведро.

цупка́я (укр.) крепкая.

чавало́ (цыг.) дружески фамильярное обращение.

ча́пать (укр.) медленно идти, топтать по грязи.

ча́пля сковородник. В укр. чапля – цапля (птица), а сковородник – **чаплія**; ср. с казац. **чапéльник** – двойной крючок с деревянным черенком чтобы двигать сковородки; *впрочем, эти слова имеют общее происхождение.*

чертова́ться, чертя́чить (авт.) работать без продыху; **начертя́читься** – сильно наработаться.

черя́бать см. исчерябать.

чехо́нское (масло) *здесь*: свежее, ароматное топлёное масло (авт.); от **чухо́нское** (т.е. финское) м. – сливочное масло.

чи (укр.) или; разве; неужели.

чуми́чка *здесь*: деревенская девушка; грязнуля, замарашка.

шалапе́т (детск.) щелчок в лоб, шалабан.

шари́ат (араб.) свод мусульманских правовых и теологических нормативов, зафиксированных Кораном.

шко́дить (укр. шкодити) вредить, причинять ущерб, делать пакости; (*в отл. от укр. же шкодувати – жалеть, щадить, печалиться*).

шкы́дра *инвективное выражение, по-видимому, не имеющее определённого смысла; употребляется, чтобы обидеть, выразить своё негативное отношение.*

шорка́ться *здесь*: шуршать, толкаясь.

шпига́ть (укр.) колоть; шпынять.

Дайджест

На алтаре души

Издательством «Кавказская библиотека» выпущен из печати новый сборник рассказов известной в крае поэтессы Валентины Слядневой «Перепелиная душа». В нем она предстает и как интересный прозаик, раскрывая через своих героев их характеры и судьбы, собственную любовь к России, ее истории, ее людям, ее природе, родному языку. Автор утверждает: «На алтаре россиянина всегда были высокие идеалы и цели», доказывая это каждой строкой своей искренней, доброй книги.

Быкова Н. // Ставроп. правда. – 1996. – 6 апр. – С. 1.

Загадочная душа

В названии первого же рассказа «По ту сторону радуги» зашифрована трагедия героини: «Если в этом мире столько боли и отчаяния, то в другом – может, иначе?» Девочка убегает среди ночи с собакой в никуда от переполняющих ее сердце обиды, отчаяния, от страшной жизни взрослых. Читая, воистину веришь глубинному знанию жизни автора. Подкупает искренность и достоверность повествования.

Живой, поэтический народный язык покоряет непринужденностью и внутренней музыкой. Это какое-то соцветие простоты, изящества и неизъяснимой прелести. Как будто свежим ветерком повеяло.

По эмоциональному накалу рассказы сродни шолоховским. Людские измотанные жизни, трагедии. Уверена, в «Однопалом» каждый отметит авторскую позицию: несогласие с бездумной тратой природной красоты. Нежно и трогательно разговаривает Стефантий с речкой Аксайкой: она для него живая. А в это время его беспутный сын Федька «глушит» рыбу динамитом. И отец от каждого взрыва вздрагивает и истушенно кричит реке: «Забери его, Аксайка-а-а...»

Устами Пелагеи Мироновны (так, кстати, звали и мать писательницы) выражена вековая крестьянская философия: мать пятерых детей, идущая с шестилетним ребенком в город продать «яички, сметанку» по дороге, крутой и извилистой, не понимает, почему так трудно живет село. «Вон сколько земли у нас! Да какая земля! Палку в землю воткни – и дерево вырастет, а мы...» В небольшом рассказе – проблема государственной важности: доколе мы будем так хозяйствовать на земле, чтобы человек про себя забывал, про детей своих и все колготился и колготился?..

Так проходят перед читателем живые, обычные, на первый взгляд, люди. И вдруг – поступок, подвиг, жертвенность во имя... Во имя чего? Да того, что

делает человека человеком. В рассказе «Полоска земли» героиня, ни секунды не раздумывая, кидается в реку спасти маленькую девочку, когда ее вот-вот накроет идущая стеной волна после грозового ливня.

«Душа есть у всего! Даже в перепелке есть...» – утверждает Михаил Иванович, герой рассказа «Перепелиная душа». Поражает эта пронзительная откровенность и искренность чувств. При этом автор не стыдится показать через своих героев, что жизнь темна, бесконечна, многослойна. В. Сляднева умеет несколькими фразами вторгнуться в некую тайну бытия. Часто она только задает вопросы: «Что же делать?» – и не может найти ответа. Мне же думается, что она знает: никто пока не ответит на некоторые вопросы.

«Перепелиная душа» – это рассказы-исповеди, они то обжигают, то леденят сердце. Ибо судьбы героев – это наши судьбы. В них – та самая загадочная русская душа.

Семенова О. // Ставроп. правда. – 1998. – 7 февр. – С. 4.

Живая река

Немало поработавшая в поэзии, Валентина Сляднева обратилась к прозе.

Рассказы В. Сляднейвой погружают читателя в сугубо народную стихию. Ее образ создает не только множество подробностей деревенского быта; эта стихия в том добром внимании, с которым автор относится к народной речи, органично сжившейся в ее рассказах с чудесной природой Ставрополья.

Ну как передать сюжет лучшего, на мой взгляд, рассказа «Дорога ровная»? Шла на базар Полина с шестилетней дочкой – в уже давние, послевоенные времена – торговать тем добром, что сумели сберечь: топленым чехонским маслом, сметаной и ряженкой, разлитыми по баночкам, творожком, яичками с белой и розовой скорлупой; причем о каждом знали, из-под какой курицы. Потом ехали на автобусе, потом торговали (ах, эти южные базары!), потом покупали гостинцы и гостили у тетушки... И во всем этом, житейском, высвечивается судьба немолодой уже крестьянки, ее душа, ее размышления и надежды – все уместилось на нескольких страницах плотного прозаического текста. И особая трогательность рассказа в том, что мир воспринимается глазами крестьянской девочки, умненькой, рассудительной, чувствующей красоту и поэтичность жизни.

Само название рассказа – обозначение вековечной народной мечты о доброй, щедрой, нетрудной жизненной дороге. «Потерпи, доча, дорога ровная скоро начнется!» – слышатся мне слова мамы, сказанные утром, когда мы только поднимались. Я еще не знаю, как часто, идя по дорогам жизни, стану вспоминать эти слова. Они будут помогать мне обретать надежду, слившиеся навсегда с маминым голосом, с лицом, на котором вот опять встали брови

шалашиком, а в глазах отчего-то слезы. Тогда только пойму, что всю жизнь она шла на гору и все надеялась, что вот-вот дорога ровная начнется...»

Как человек восприимчивый, В. Сляднева видит, что смутная эпоха угрожает нынче самым основам народного характера, рождая зло, жестокость, леность (рассказ «Урки»). Но отчего же книга ее, где нет ни политических изысков, ни устаревшего дежурного оптимизма, вызывает в душе чувство облегчения и надежды? Может оттого, что в ней с любовной скрупулезностью говорится о ценностях вечных – о материнской заботе: как прокормить, воспитать, вырастить детей; о хлебе насущном, о любви, о долге. Говорится о самоценной народной жизни, существующей по собственным законам, подобно мощной подземной реке, которая течет независимо от того, что творится на поверхности, в то же время питая и спасая эту внешнюю жизнь своей живой водой. Неужели же скверна житейская столь велика, что уж совсем добралась и до этой реки – сквозь мощные, преградные и защитные пласты народного мировосприятия? Первая прозаическая книга В. Слядневой побуждает глубоко прочувствовать этот вопрос, поставленный временем.

Батурина Т. // Лит. Россия. – 1991. – 20 сент. – С. 8.

Позабытый родник

Чем меня удивила в своё время Валентина Ивановна, так это своей книгой рассказов «Перепелиная душа». До сих пор мы знали автора как талантливого поэта, и вдруг проза!..

Книга согрета не декларированной, но истинной, затаённой глубоко в душе любовью к земле, которая от века и поныне вытягивала и вытягивает жилы из своих пахарей и сама вытягивается в струнку хлебным колосом, чтобы накормить народ. Родившаяся и выросшая в ставропольском селе с красивым именем Надежда, Валентина Сляднева, по счастью, осталась верна в душе своей малой родине, бережно хранит в цепкой памяти художника и выразительную, самобытную речь своих земляков, и судьбы их нелёгкие, разделяет с ними и новую боль – от духовно-нравственного распада, вызванного всеобщим нынешним неблагополучным состоянием нашего общества.

Иванова Е. // Вечерний Ставрополь. – 2007. – 22 мая. – С. 6.

Загадки судьбы и ставропольской литературы

Не прячемся от мирового суда –
И крест свой нести нам по силе...
О чём бы ни шёл разговор наш – всегда
Он будет о нас, о России.

*Валентина Сляднева,
«Юрию Кузнецову» (2005)*

Российская литература последних десятилетий заметно обогатилась произведениями писателей Ставрополья. Это проза, поэзия, публицистика Вениамина Ащеулова, Вадима Белоусова, Георгия Шумарова, Валентины Слядневой, Анатолия Лысенко, Игоря Романова, Станислава Подольского, Витислава Ходарева и многих других. Их произведения – разные по жанру и тематическим пристрастиям авторов – можно рассмотреть как некую системность, в которой проявляются закономерности литературного процесса, формируемые на региональном уровне...

Читатель, взявший в руки книги Валентины Слядневой, Витислава Ходарева, Владимира Бутенко, Александра Мосиенко, Станислава Подольского, Вадима Белоусова, Василия Звягинцева и многих других талантливых писателей, изданные в последние десятилетия, думаю, согласится со мной после их прочтения: настоящая ставропольская литература вносит свой вклад в развитие отечественной культуры, обращая нас, как это и подобает изящной словесности, к «вечным вопросам» и непреходящим нравственно-эстетическим ценностям.

Головкин В. М. // Далекие и близкие. – Ставрополь, 2012. – С. 142–151.

Валентина Сляднева: черты творческой индивидуальности

Творческая индивидуальность Валентины Слядневой во многом обусловлена укоренённостью её поэзии и прозы в народной культуре, в народном мирозерцании, в народном языке. Образ малой родины незримо, но сущностно определяет внутреннюю атмосферу её художественных созданий. Ставропольское село Надежда для Валентины Слядневой, как подмосковная деревня Язвицы для Виктора Бокова, – это не только неиссякаемый источник вдохновения, тематического богатства, но и «уголок земли», сохраняющий нравственные устои подлинно человеческого бытия...

Природа как одухотворённое и одухотворяющее жизнь гармоническое целое, где всё взаимосвязано и взаимозависимо, в картине мира произведений Валентины Слядневой предстаёт как высший ценностный критерий, а высота

духовных проявлений человека – как животворение самой природы. Так, в прозе писательницы героини рассказов стараются всё делать «ради того, чтоб сила была у земли от ласки людской, чтоб люди умели беречь в себе то, что давала им земля» («У чёрного тополя»). Этими образами выражается авторское понимание сущности человека, и не случайно для манеры повествования в этих произведениях характерным становится принцип внедрения голоса автора-повествователя в точку зрения, в слово героев при максимальном сближении «живой жизни», быта, феноменологии повседневности и «законов мироздания».

Творчество Валентины Слядневой характеризуется новизной редкого сплава, редкого сочетания «прозаического», «обыденного», «бытового» и философского, бытописи и лирики. Можно даже сказать, что бытопись становится формой народности поэтических и прозаических произведений, выражением национального образа мира.

Я заодно с землёй, с роднёй!
Вот вновь бегут с крылечек...
Люблю вычерпывать бадьёй
Я небеса из речек.

«Я на земле своей родной...»

Лирика и проза Валентины Слядневой только выигрывали от такого сближения «бытового» и «бытийного»...

«На алтаре души россиянина, – писала Валентина Сляднева, обращаясь к своему Читателю, – всегда были высокие идеалы и цели». В мыслях своих и авторских помыслах она неизменно возвращается к «истокам красоты» как в природе, так и в человеческих отношениях... В рассказах «По ту сторону радуги», «Полоска земли», «У чёрного тополя», «Перепелиная душа», «Вслед жизни» и других звучит чистая нота веры в человека, в его разум и надежда на чувство сопричастности к утверждению добра на земле...

Когда читаешь книги Валентины Слядневой, чувствуешь и осознаёшь, что Слово и Поэзия изначально сосредоточивают в себе духовную жизнь и культурную память народа. Эстетическое созерцание талантливого поэта становится выражением его действенного отношения к миру, к человеку...

Литературная репутация писателя определяется многими факторами – от социокультурной ситуации в стране определённого времени до обстоятельств его личной судьбы и особенностей творческой биографии...

По масштабам своего дарования Валентина Сляднева занимает достойное место среди тех, кого читательская общественность, литературные критики и профессионалы-литературоведы относят к числу талантливых

поэтов и прозаиков современности.

*Головко В. М. Четвертые Сядневские литературные чтения:
«Литература Ставрополя: из прошлого в будущее». –
Ставрополь, 2018. – С. 9–18.*

Краеведение в спецформате: об обеспечении доступности творчества авторов Ставрополя читателям с нарушением зрения

*Лиханос Елена Викторовна,
заместитель директора Ставропольской
краевой библиотеки для слепых и
слабовидящих имени В. Маяковского*

Вот уже более шестидесяти лет Ставропольская краевая библиотека для слепых и слабовидящих имени В. Маяковского или как её ласково называют – Маяковка, несёт свою миссию по обеспечению людям с нарушением зрения беспрепятственного доступа к культурным ценностям и благам. Работа эта многогранна. Одна из ключевых граней – краеведческая. Именно она позволяет раскрывать перед читателем всё многообразие родного Ставрополя. Средоточием же его является поэтическое и прозаическое искусство авторов-земляков, вбирающее в себя все богатства края. Природа, история, многонациональная культура Ставрополя – всё это находит отражение в краеведческой литературе. Вот почему так важно знать творчество региональных поэтов и прозаиков, ибо через него происходит знакомство со Ставрополем, формируются чувства патриотизма и любви к малой Родине.

Работу по продвижению краеведческого литературного компонента Маяковка ведёт преимущественно в двух аспектах. С одной стороны, эта деятельность направлена на доведение произведений региональных авторов до читателей с нарушением зрения в доступных для них форматах; с другой, она связана с популяризацией творчества самих незрячих и слабовидящих. В этих целях библиотекой реализуется регулярный цикл краеведческих тифлоиздательских проектов. Ключевое значение для их воплощения имеет работа тифлоиздательского сектора Маяковки – единственного на Ставрополье. Только здесь краеведческая литература выпускается в специальных для читателей с ограничением по зрению форматах: это книги рельефно-точечного шрифта Брайля и укрупненного шрифта, рельефно-графические пособия, озвученные издания на различных носителях. К настоящему времени реализовано несколько десятков таких проектов.

Особенное место среди них занимают те, что связаны с именем замечательной ставропольской поэтессы Валентины Ивановны Слядневой. Познакомимся с ними подробнее.

В 2018 г. Маяковка совместно и по инициативе некоммерческого фонда «Литературный фонд имени В. И. Слядневой» была начата реализация проекта «Слядневские чтения». В студии звукозаписи библиотеки артисты Ставропольского академического театра драмы имени М. Ю. Лермонтова Владимир Мнацаканович Аллахвердов, Людмила Анатольевна Ковалец, Георгий Дмитриевич Серебрянский озвучивали книгу В. И. Слядневой «Перепелиная душа». И уже к концу года состоялась долгожданная презентация. Собравшиеся (незрячие и слабовидящие читатели, студенческая молодёжь Ставрополя) узнали об истории создания аудио версии «Перепелиной души», артисты, озвучившие книгу, поделились теми эмоциями, которые вызвала «Перепелиная душа», В. Аллахвердов и Г. Серебрянский – своими воспоминаниями о встречах с поэтессой, а Л. Ковалец прочитала стихи Валентины Ивановны.

Настоящим подарком для всех стало выступление композитора, члена Союза композиторов России В. В. Кипора, исполнившего несколько авторских песен на стихи В. И. Слядневой. В заключение презентации диски с аудиокнигой были переданы в Литературный фонд и библиотеку, носящую имя нашей землячки. Издание также распространено по муниципальным библиотекам края.

Проект «Слядневские чтения» получил продолжение. В дни празднования Дня России и проведения V Международного форума творческих союзов «Белая акация», 14 июня 2019 г., состоялась презентация новой озвученной аудиокниги Валентины Ивановны Слядневой «Одолень-трава». На встрече присутствовала дочь поэтессы Лариса Ивановна Шматко и люди, лично знавшие Валентину Ивановну, а также те, кто искренне ценит её творчество, является его истинным поклонником.

Поэзия Валентины Слядневой поразительно музыкальна, творческое наследие открывает необъятный простор композиторской мысли. Без песен на её стихи не обходится ни один большой праздник. Ставропольский композитор В. В. Кипор представил на суд слушателей две песни на стихи поэтессы – «Севастополь» и «Перекресток».

Над озвучиванием книги работали заслуженные артисты Ставропольского драматического театра им. М. Ю. Лермонтова: В. М. Аллахвердов, Л. А. Ковалец, С. Г. Колганова, Л. В. Гольдман. Они сказали много замечательных слов о поэзии Валентины Ивановны,

благодарили за возможность внести лепту в популяризацию ее творческого наследия.

Итог презентации подвело выступление юного саксофониста Захара Межеричского, не оставившее равнодушных.³

В 2020 г. со дня рождения Валентины Ивановны Слядневой исполнилось 80 лет. В юбилейный год в различных уголках Ставрополья прошло множество мероприятий, посвященных Валентине Ивановне, ведь 22 декабря, день рождения поэтессы, уже перестало быть событием для одной семьи, а является праздником для всего литературного сообщества края, для всех любителей поэзии. Не осталась в стороне и Маяковка, читатели которой безмерно любят творчество поэтессы. Воплощением этой любви стали собственные стихотворные строки незрячих и слабовидящих авторов, собранные в литературно-художественном альманахе «Свет души». Он был выпущен Маяковкой при поддержке Литературного фонда имени В. И. Слядневой в канун юбилея поэтессы. В альманахе вошла также музыка на стихи Валентины Ивановны, написанная композитором В. В. Кипором, и картины художника А. В. Гайдено, созданные по мотивам произведений поэтессы.

Помимо тифлоиздательских проектов, посвящённых Валентине Ивановне Слядневой, Маяковка реализовала ряд иных инициатив краеведческой направленности. Вот некоторые из них.

В 2019 г., в Год театра в России, библиотека Маяковского совместно со Ставропольским академическим театром драмы имени М. Ю. Лермонтова реализовала проект «Театра мир откроет нам свои кулисы». Было подготовлено одноимённое издание, рассказывающее об истории театра. Книга выпущена в озвученном варианте, а также укрупнённым и рельефно-точечным шрифтом Брайля, снабжена рельефно-графическими иллюстрациями, знакомящими со зданием театра и его поэтажным планом. Изюминкой издания является дополняющий его диск с записью тифлокомментированного (словесное описание немого визуального ряда) спектакля «Детектор лжи» Василия Сигарева.

Ещё один тифлоиздательский проект – «Сила России в связи поколений: записки старого музейщика». Эта книга посвящена памяти ветерана Великой Отечественной войны, человека, 30 лет возглавлявшего Ставропольский краеведческий музей, Вениамина Вениаминовича Госданкера. В издание вошли архивные аудиозаписи радиопередач на ГТРК «Ставрополье» с его участием, аудиокниги Вениамина Вениаминовича «Нам нельзя забывать» и «Непрошедшее время. Записки старого музейщика», а также воспоминания

³ Посмотреть презентацию можно здесь: <https://www.youtube.com/watch?v=VWMyRygDqco>

людей, знавших Госданкера лично. Это В. М. Лычагин, В. М. Алахвердов, Г. М. Хасьминский, Э. П. Каравинская, Н. Д. Судавцов, Е. Сафронова, друг юности М. Б. Фридман и многие другие.

В 2021 г. Маяковка сделала своим читателям очередной сюрприз. Удивиться действительно было чему, ведь библиотека подготовила альбом картин нашего земляка, члена Союза художников России Александра Владимировича Гайденко, снабженных тифлокомментариями. Альбом вышел под названием «Времена года». Издание является уникальным как по тематике, так и технологии исполнения. Оно включило картины, отражающие красоту природы Ставрополя.⁴

В 2022 г. библиотека Маяковского реализовала проект «Антология произведений писателей Северного Кавказа». Он предполагал выпуск в адаптированных для незрячих и слабовидящих форматах произведений авторов Ставрополя. Приуроченный к 10-летию языков коренных народов, проект «Антология...» стал продолжением издательского проекта библиотеки «Живое слово», начатого в 2018 г. Так, были озвучены и выпущены книги: С. Берченко «По руслу Евфрата» (книги 2, 3), «Другой Серегин» (части 1, 2), В. Гаазова «Я певец твой, Ставрополье», «Бесконечно влюбленный в свой край» (о В. Гниловском), И. Касько «Город ОК», В. Яковлева «Территория спецоперации», В. Ходарева «Земной поклон», «Владимир Аллахвердов – заслуженный князь ставропольской сцены». Работа над этим изданием стала особенно объёмной. Его презентация состоялась 24 марта 2023 г., в преддверии Всемирного дня театра. Встреча была организована совместно со Ставропольским региональным отделением союза театральных деятелей России и прошла в стенах Арт-центра «Горицвет» Литературного фонда имени В. И. Слядневой. Участники мероприятия – друзья и близкие замечательного ставропольского актера, а также читатели Маяковки, которым Владимир Мнацаканович Аллахвердов много лет дарил свой голос через «говорящие» книги.

Плоскопечатный формат сборника воспоминаний о талантливом артисте был издан в Ставрополе в 2020 году. В течение 2022 года в Студии звукозаписи Маяковки была осуществлена работа по озвучиванию этого интереснейшего издания для читателей с ограничениями по зрению. В качестве дикторов выступили друзья, коллеги по сцене, родные и близкие актёра. Их голоса снова зазвучали в этот вечер, раскрывая для гостей мероприятия обаяние личности и многогранность таланта Владимира Мнацакановича. Редкие фото и видеокадры, запечатлевшие любимого артиста на сцене, в кино и в жизни, для многих стали самым настоящим открытием.

⁴ Посмотреть презентацию можно здесь: <https://www.youtube.com/watch?v=mMe9OLkImXA>

Своими теплыми воспоминаниями об актёре поделились председатель Общественного совета при министерстве культуры Ставропольского края Владимир Маркович Лычагин, супруга В. М. Аллахвердова Любовь Николаевна Заводнова, а также актёр Ставропольского краевого драматического театра, заслуженный артист Российской Федерации Борис Федорович Щербаков, который был ведущим вечера.⁵

Это лишь часть работы по популяризации краеведческой составляющей литературного богатства, проводимой библиотекой Маяковского. Рассказывать о тифлоиздательских проектах можно ещё много. Впрочем, дело вовсе не в количестве, а в том отклике, который каждый из проектов находит в сердцах незрячих и слабовидящих читателей.

Некоторые воспоминания

*Полумискова Екатерина Петровна,
поэт, член Союза писателей России,
лауреат литературной премии
имени В. И. Слядневой*

Встречи писателей в день рождения Валентины Ивановны Слядневой за чашкой чая, за круглым столом стали традицией, начало которой было положено самой Валентиной Ивановной. Она родилась в день зимнего солнцестояния, в «этот самый короткий из дней», как я написала в своём стихотворении «Не зима, и теперь уж не осень...» Она прочитала его и сказала: «Это же мой день рождения! Когда вокруг так мало света, хочется, чтобы каждое слово светилось...» Позже, в своей «Оде слову» (2015), я и написала такую строчку: «Пусть станет Слово светом для людей».

Валентина Ивановна была очень ярким человеком, светлым. И родилась она в ставропольском селе под таким поэтичным названием Надежда. А что может быть для человека самым надёжным, способным возродить духовно и вытащить из любой житейской пропасти? Именно надежда...

Четвёртая свеча

Четыре восковых свечи
горели медленно в ночи...
Одна сказала с сожаленьем:
— Увы, меня зовут Терпеньем!
Меня так трудно сохранять,

⁵ Посмотреть презентацию можно здесь: https://vk.com/video-42880574_456240608

*и я дотла сгорю опять,
меня теряют всякий раз.
И огонёк свечи погас.
— Я – Вера! – молвила вторая,
перед иконой догорая, –
зачем и для кого горю?
Кто слышит, что я говорю?
— А я – Любовь! – сказала третья, –
для любящих должна гореть я,
но свет нести нет больше сил
для тех, кто сердцем не любил!
Услышав те слова спросонок,
вдруг в комнату вошёл ребёнок
и видит только слабый свет
одной свечи (а трёх уж нет).
И пляшет тень на образах.
К свече он кинулся в слезах:
— Не догорай, свети хоть ты!
Спаси меня от темноты!
И лишь четвёртая свеча
была светла и горяча.
Бесстрашно раздвигая тьму,
она ответила ему:
— Не унывай. Сильнее тьмы
мой луч, покуда вместе мы.
Не бойся больше, не кричи
и вновь другие три свечи
зажги от моего огня.
Зовут Надеждою меня!*

У каждого начинания есть свой исток. И если говорить поэтическим, образным языком – только в одну реку каждый может войти многократно, и это река твоей памяти.

Валентина Ивановна стала первой из всех мастеров пера, кто мне сказал: пора тебе вступить в союз писателей. И написала рекомендацию ещё до того, как я собрала все документы. Говорю ей: «Надо же заявление написать, творческую характеристику, ещё что-то навверное...» А она мне в ответ: «Успеешь! Вот, возьми». И протягивает мне лист со своей подписью. Рекомендация для вступления в члены Союза писателей России.

А дело было в писательском кабинете, где сегодня расположен Ставропольский Литературный центр. И тут меня осенило: «Валентина Ивановна! А хорошо бы и второй экземпляр сделать – рекомендации и всех документов. Мало ли что, время такое, письма не доходят до адресатов, посылки теряются». Она кивнула головой: «Правильно. Люди теряют себя в такие времена. А тут документ, судьба писательская». И тут же сделали мы второй экземпляр. Она собиралась ехать в Москву в начале лета 2003 года, к тому времени всё успели собрать: ещё две рекомендации и прочее. А в декабре 2003 года я уже была принята в Союз писателей России.

Это потом, беседуя с внештатным корреспондентом «Ставропольской правды», журналистом и литературным консультантом краевой газеты Светланой Сергеевной Солодских, я так ответила на её вопрос (Время как песочные часы. «Ставропольская правда», 10.08.2007):

«Писать стихи я начала с тех пор, как научилась держать перо.

— Вы имеете в виду некое метафорическое перо?

— Почему же, самое настоящее, только не гусиное, а перо фламинго, которым я и в самом деле лет в шесть-семь писала свои первые стихи.

— И откуда взялась эта экзотика?

— В конце 70-х моих родителей, биологов по профессии, отправили в загранкомандировку в жаркую арабскую страну Йемен. И вот представьте: Красное море, Аравийский полуостров и розовые фламинго, которыми мы часто издали любовались. Однажды я нашла на берегу перо этой удивительной птички и обмакнула его в чернила. До сих пор, кстати, оно у меня хранится...»

Кто бы мог подумать, что ровно через 15 лет после этого интервью выйдет моя книга «Кавказская одиссея», за которую я получу такую награду, как «Золотое перо губернии» Литературного фонда им. В. И. Слядневой. Эмоции переполнили меня, и в зале Арт-центра «Горицвет» сразу после церемонии награждения я записала на свой смартфон вот эти строки, родившиеся экспромтом (бывает же такое!):

К самым звездам да через тернии –

Не случайность и не пустяк.

«Золотое перо губернии»

Принимаю как вещий знак.

А когда-то перо фламинго

Стало вещим в судьбе моей...

Пусть подольше не сходят с ринга

Литераторы наших дней!

Душа поёт

*Лангуева-Сухорукова Тамара,
поэт, член Союза писателей России*

Было это в году семидесятом или в семьдесят первом прошлого века. Я, юная девятнадцатилетняя девчонка, переполненная радостью от первой публикации своих стихов в альманахе «Ставрополье», примчалась в здание, где находилось правление Ставропольского отделения Союза писателей СССР. Уж не знаю, какое у меня было выражение лица, но поэт И. В. Кашпуров, встретив меня на пороге, воскликнул: «Ой, Тамарка, ты, чай, не влюбилась ли? – и, помолчав секунду, заметил, – ведь у тебя такой вид... ну, как будто ты замуж собралась!»

Я поздоровалась с мэтром, прошла в кабинет и плюхнулась на стул. Щёки у меня горели от счастья и от стыда, что свои чувства не могла скрывать. Кашпуров что-то говорил и говорил... Потом неожиданно спросил: «А ты знаешь Валентину Слядневу?» Я отрицательно покачала головой. «Ну так вот... Валя Сляднева – молодая и чрезвычайно талантливая поэтесса. Надо будет вас познакомить».

Тогда я впервые услышала о В. И. Слядневой. В то время я жила и работала в Ставрополе, частенько появлялась в писательской организации. Теперь уже и не помню точно, но в один из дней поэт В. Ащеулов тоже заговорил со мной о Слядневой. Он дал высокую оценку её поэтическому творчеству. Говорил о ней очень тепло, по-отечески.

Через какой-то промежуток времени я, наконец-то, увидела Валентину Ивановну... Она была ослепительно красива! Никогда не забуду её умные прекрасные глаза и обворожительную улыбку. От молодой женщины пахло шоколадом... Этот запах почему-то навсегда врезался в мою память. Очевидно, нас представили, ибо я растерялась в тот момент, да и сейчас всё в памяти предстаёт, как в тумане. Ведь в то далёкое время поэты воспринимались читателями как небожители, а я только делала первые шаги в литературе и не ощущала себя настоящим писателем.

Как-то мы снова встретились с Кашпуровым и в процессе разговора, упоминая Слядневу, он вдруг начал сокрушаться: «Ты знаешь, что Валюха надумала?.. Решила второго ребёнка родить! Теперь для неё конец поэзии...»

Как же ошибался Кашпуров!.. Для Валентины Слядневой это был самый настоящий старт! Она родила на свет прекрасную девочку Ларису, опубликовала свою первую книжку «Тропинка в солнце» и продолжала писать стихи. Дружная семейная обстановка не только не подавляла её природный поэтический дар, но и способствовала достижению намеченной цели. Пусть не

сразу, но с каждой новой книгой росло творческое мастерство поэтессы, её умение «глаголом жечь сердца людей». В 1983 году Слядневу приняли в члены Союза писателей РСФСР, а потом, годы спустя, она была избрана председателем правления Ставропольского отделения Союза писателей России. Литературная работа не помешала ей воспитать двух чудесных детей. Ведь то обстоятельство, что её сын, Сергей Иванович Шматко, был известным государственным деятелем, говорит само за себя.

Недавно я решила перебрать свою домашнюю библиотеку. Нашла книги И. Кашпурова, А. Екимцева, В. Гнеушева и других ставропольских поэтов старшего поколения, а крошечную книжечку голубого цвета «Тропинка в солнце» В. Слядневой так и не нашла. Как жаль!.. Но я уверена, что её обязательно найдут мои внуки и наслаются красотой слога и высоким смыслом стихотворных строк поэтессы.

Моя судьба в чём-то схожа с судьбой Валентины Слядневой. Я тоже много ездила по стране, жила в разных городах. Но разве можно мне сравниться с Валентиной Ивановной, которая так много знала и видела в своей жизни?! Она старше меня «на целую Великую Отечественную войну», по словам одного из поэтов военного времени. А я родилась через шесть лет после Победы.

Будучи ещё совсем маленькой девочкой, Валя столкнулась с разрушительной силой войны, видела голодных и израненных людей, слушала их рассказы об ужасах и зверствах фашистов... Возвратился с фронта инвалидом и её отец. Русские солдаты, только что пришедшие с «боёв кровавых», вспоминали «минувшие дни». Эти рассказы в дальнейшем послужили основой для написания В. Слядневой стихов на военную тему. Валентина Ивановна упорно трудилась, подбирая к поэтическим образам единственно точные слова и выравнивая ритм в каждом своём стихотворении.

Что касается меня, то я лишь после большого перерыва в творчестве стала членом Союза писателей России. Этому предшествовало томительное ожидание решения из Москвы в течение года. Лишь одна В. Сляднева, которая в то время уже не являлась председателем правления, смогла войти в положение и найти нужные слова, чтобы меня успокоить. Она сказала тогда: «Не переживай, Тамара, я абсолютно помню, что тебя приняли в Союз! Не волнуйся... Я недавно вернулась из Москвы и знаю. Неужели ты мне не веришь?!»

После её слов «абсолютно помню» мне стало стыдно за себя. Я ведь всегда была мнительной и никому не верила, а напрасно. Ведь таким людям, как Валентина Ивановна, доверять просто необходимо. Всякий раз, когда я

испытываю к кому-нибудь недоверие, у меня в голове звучат её слова: «Неужели ты мне не веришь?»

При встречах со Слядневой в здании Ставропольского отделения Союза писателей России я иногда просила её «прочсть и разобрать» пять-шесть моих стихов. Это для меня было необходимо. Почти никогда она не отказывала. Я и сейчас помню её критические замечания: «Вот только не нужно никаких... «вшей»! Ну, таких слов, как «просиявшие», «расправившая», «сокрушившая», ибо это литературные «вши», паразиты. Надо писать так, чтобы стихотворная строчка звенела, как ручеёк. Из многих ручейков и поэтическая реченька получается...»

Однажды Валентина Ивановна спросила меня: «Ты когда-нибудь песни писала?» Я ответила вопросом на вопрос: «Нет, не пробовала, а что?» Сляднева посоветовала: «Тебе, Тамара, надо бы хоть одну песню написать, тогда всё с мёртвой точки сдвинется».

Я решила последовать её примеру. Оказалось, что для песен нужна музыка, а, чтобы написать музыку, нужен и композитор. Увы, но я никак не могла тогда ни с одним из композиторов познакомиться. И тут меня неожиданно выручили песни самой Валентины Ивановны. Я стала слушать их... Очарованию не было предела! Какие же они чудесные!.. Казалось, что в момент звучания раскрывалась и вся поэтическая душа Слядневой: её природная доброта, любовь к родному степному Ставрополью, сопереживание бедам и печалям его жителей, неподдельный интерес к их тяготам и заботам, боль за великую Россию. Эти качества возникли благодаря тому, что поэтесса всегда высоко ценила крестьянский труд, так как родилась в селе и не понаслышке знала, как сеять пшеницу, доить коров и пасти овец. В своих стихах, вспоминая свои юные годы, она называла себя подпаском...

И вот однажды настал момент, когда я вдруг явственно почувствовала гармонию слияния слов с музыкой! Это стало настоящим счастьем для меня. Теперь и я пишу песни.

В один из погожих весенних дней 2008 года, когда в Ставрополе на клумбах кое-где ещё лежал талый снег, но уже сияло яркое весёлое солнце, я встретила на проспекте Карла Маркса В. Слядневу. Мы остановились, и сам собой завязался разговор о поэзии, о стихах и вообще о жизни, а потом заговорили о музыке. Тут я задала довольно глупый и вместе с тем провокационный вопрос: «Валентина Ивановна, у вас такие замечательные стихи! Зачем же вы отвлекаетесь на сочинение песен? У вас их так много! Это же другой жанр, и он намного ниже по творческому рангу, чем чистая классическая поэзия?» Сляднева ответила: «Эх, голубушка, ты очень ошибаешься! Песни никогда не были чем-то вторичным. Сначала у всех

народов были песни, былины, сказки, а уже потом пришла пора для всего классического. Хотя... Да разве хорошие песни – это не классика?! Написала-то я не так уж и много песен. Пишу их потому, что душа поёт!..»

Такой я запомнила нашу известную ставропольскую поэтессу Валентину Ивановну Слядневу, автора великолепных лирических стихов и прекрасных задушевных песен. Ведь только талантливый поэт мог написать эти проникновенные строчки:

Я из Надежды, из степей, где петь
Перепела решаются всё реже,
Где заросли делянок старых межи
И где свистит ветров-скитальцев плеть.

Иной раз, когда я еду из Невинномысска в Ставрополь по степной дороге, то вспоминаю эти чудесные слова... Валентина Ивановна каждой клеточкой своего чуткого поэтического сердца любила и воспевала в стихах вольный ветер и родную бескрайнюю ковыльную степь. Я тоже по-своему люблю наш благодатный край и написала стихотворение на эту тему, посвятив его прекрасной ставропольской поэтессе.

Светлой памяти Валентины Слядневой посвящается

Степь отверста... Мгла над взгорьем.
Путь на Ставрополь широк...
Вновь ковыль, как гребень в море,
Волн земных вознёс песок.
Ветер вьётся, ветер веет,
Меж холмами вниз скользит...
Степь безбрежна,
а над нею
Солнце просится в зенит.
Но суровый страж осенний
Не торопится помочь.
Со своей бороться тенью
Он устал и день и ночь.
Вдоль оврага горсть овечек
Тихо движется вдали...
Разнотравье лишь за речкой
Отыскать они смогли.
Степь полна неясных звуков,
Пахнет пылью вековой...

Кажется, стрела из лука
В мир метнётся грозовой.
Грома же пока не слышно
И дождя покуда нет...
Это степь тревожно дышит,
Улюлюкает вослед.

Город Ставрополь в поэзии Валентины Слядневой

*Быкова Наталья Пантелеевна,
редактор отдела культуры
газеты «Ставропольская правда»*

Она была из поколения детей войны: родившаяся в грозном 1941 году, с младенчества разделила со страной невиданные беды и утраты. Но во все времена умела делить со страной и радости, и достижения. Валентина Ивановна обладала не просто литературным талантом, но еще и наделена была бесценным Божьим даром любви к Родине. Окончив историко-филологический факультет Ставропольского педагогического института и став женой военного, много поездила по миру, но куда бы ни забрасывала капризная судьба – Урал, Заполярье, Германия, – неизменной оставалась безграничная кровная связь поэта со своей землей – отчим селом Надежда, Ставрополем, Россией... И конечно, особое место занимал в этом ряду город Ставрополь, в котором она состоялась как поэт, в котором росли ее дети, выходили в свет лучшие ее книги, в котором она состоялась еще и как видный общественный деятель. Вспомним: ни одно заметное культурное событие было просто немислимо без участия Валентины Слядневой. А сама она ценила город Ставрополь как по-настоящему культурный центр региона Северного Кавказа, обладающий богатейшей, ярчайшей историей. При этом в своих стихах чужда была высокопарно-парадного, официально-дежурного воспевания. Наоборот, находила такие простые и вместе с тем пронзительно-эмоциональные слова, рисовавшие облик Ставрополя акварельно-теплыми, задушевыми красками.

В Ставрополе

Отчетливо видны здесь, как нигде,
Черты эпохи, что стирает грани
Меж городом и сельскою геранью,
И утками, снующими в воде.

Столкнулись лбами хатки и дома,
Где ввысь на лифте бабушки взлетают,
К тем лифтам уважение питаю,
Признаться вам, давно и я сама.

Летят такси, троллейбусы идут,
В день завтрашний глядится день вчерашний...
Невдалеке совсем цветут ромашки –
О, пусть они подольше здесь цветут!

Валентина Сляднева и сама была отражением «эпохи, что стирает грани меж городом и сельскою геранью, и утками, снующими в воде...» Она, выросшая в селе «под боком города», прекрасно сочетала в себе прирожденную селянку и вполне цивилизованную горожанку. Приходила на важное политическое заседание в элегантном наряде, а вот руки выдавали неизменное пристрастие работать на земле. Помню, как однажды Валентина Ивановна вошла в наш редакционный кабинет с... банкой меда в своих натруженных руках. При этом вся буквально светилась счастьем поделиться еще с кем-то чудным даром природы, напоенным пряными ароматами ее родной земли.

Родная земля

Под пологом неба лежишь ты веками,
Всем сердцем моим ты, родная, владей!
Тебя обнимаю ветвями-руками,
Тебя я целую губами дождей.

Здесь шляпки плела я из свежей соломы,
Дремала у стога, где вилы торчком,
Мне избы крестьянские – те же хоромы,
Особенно если – с запечным сверчком.

Здесь родичи шумно на свадьбах плясали,
Но только явилась большая беда,
Один стал – связным, а другой – комиссарил,
А третий – сказали – пропал без следа.

Родная земля, я певец твоих вольных
Ветров, что бегут, набираются сил,
И синих садов, и дорог некольных,
Что не обходили священных могил.

Я знаю, откуда твой голос печальный,

Откуда твоя перекатая речь!
...И птичий твой грай,
и твой слог изначальный,
Кому, как не мне, и любить, и беречь?!

И любила, и берегла свято, оттачивая каждое слово, обращенное к Родине. Для Ставрополя умела найти особенно проникновенные, опять-таки отнюдь не выпретенные, вполне конкретные слова, рисовала – точно лепила скульптурный образ его улиц и переулков, предместьев и площадей.

Стена Крепостная.
Поодаль Суворов.
Представлю казачьих пикетов огни...
Отсюда Кавказ открывается взору
В погожие и светоносные дни.
Тут Пушкин бывал, и опальный поручик
Отсюда в Тенгинский направился полк.
Прольются багрянцем ташлянские кручи,
Расстелят газоны сверкающий шелк.
И синие ветры по балкам поскачут.
На звуке высоком сорвется струна.
Услышу, как рядом казачка заплачет,
Из боя ведя под уздцы скакуна.
А на Туапсинке – в больничных палатах
Дым справа и слева и клубы огня.
И немец, стреляющий из автомата,
Последний патрон посылает в меня.
Гляжу я в глаза незнакомой эпохи,
К чужой не спешу примеряться судьбе.
Смеются над прошлым твоим скоморохи,
Певцы твои, город, поют о тебе.

Валентина Ивановна и была истинным певцом любимого города, милого Ставрополя. В ее стихах, рассказах, песнях читаются и четкая гражданская позиция, и тончайше-проникновенные, поразительно жизненные детали окружающей современности. А еще – радостное восприятие мира, счастливое удивление перед его красотой и многообразием, беспредельная вера в лучшее, гордость за свой народ, историю, где есть место подвигу. За вот эту с молоком матери впитанную верность народным традициям, за кровную связь с народной речью, за чистоту души, ясные и возвышенные образы Родины

полюбили читатели творчество В. Слядневой. Надо только вслушаться вот в эти как будто такие незамысловатые строки, чтобы проникнуться чувствами поэта:

На распутьях дорог

— Да поможет вам Бог, —
Говорю, провожая гостей, —
Буду ждать от вас добрых вестей...
Да поможет вам Бог
На распутьях дорог!
— Да поможет вам Бог, —
Говорю я пилотам, врачам,
Морякам, что бросают причал,
И девчатам, что льнут к их плечам, —
Да поможет вам Бог
На распутьях дорог!
— Да поможет вам Бог! —
Говорю я, встречая детей,
И летящих на юг лебедей,
И мечту потерявших людей, —
Да поможет вам Бог
На распутьях дорог!

Сколько материнского тепла, сколько неписаной крестьянской мудрости, сколько житейской доброты... «Буду ждать от вас добрых вестей...». Многие ли из нас способны вот так безыскусно, по-человечески пожелать другим только добрых вестей?! Давайте же учиться у поэта любить, жалеть, быть искренними, сердечными, не заикливаться на суетных проблемах. У Валентины Ивановны, как и у всех, хватало забот и проблем, хлопотала по дому, как всякая любящая мать и хозяйка, но ведь на то и поэт, чтобы, поднимаясь над обыденностью, поднимать за собой других.

Лебеди сердца

Вновь по земле ставропольской дороги бегут,
Шепчется с Горькою Балкою речка Калаус,
И Стрижамент в облаках ковыли стерегут...
Милая родина всюду со мной оставалась.
Как же красива степная моя сторона,
Вдоволь согретая ласкою рук работающих...
Память моя, ты под ветром звенишь, как струна,

Лебеди сердца, кто вас остановит, летящих?!
Там я гуляю под пологом древних небес,
Где поселились мои незакатные звезды.
— Снова куда ты?
— Мне надо лететь позарез!
В старый мой дом никогда
возвращаться не поздно!
Как ты красива, степная моя сторона!
Пчелы кружат над полями под солнцем палящим...
Память моя, ты поешь и звенишь, как струна!
Лебеди сердца, кто вас остановит, летящих?

Читая страницу за страницей, мы словно путешествуем с поэтом по милой родине, вглядываясь в ее «особые приметы», впитывая запечатленное духовное родство поколений, моментально, собственной духовной памятью разгадывая тайные высокие смыслы и причудливые ассоциации.

Как прежде есть...

Привет, Надежда и Ташла!
Издалека я к вам пришла.
Как прежде, есть
Тут птичья песнь.
Плутаю в платине хлебов,
Вспорхнул птенец – и был таков!
Напьюсь из чистых родников.
Как прежде, есть
Тут птичья песнь.
Моих прабабок грусть и боль
Мне – словно хлеб и словно соль...
Услышу чей-то смех и стон,
Прерву короткий чуткий сон,
Как прежде, есть
Тут птичья песнь.

По сложившейся, хотя еще достаточно молодой традиции в сентябре старинный губернский город Ставрополь отмечает свой День. На 27-е число приходится и особый для Града Креста православный праздник – Воздвижение Креста Господня. И какие же неожиданные строки нашла для сентября Валентина Сляднева!

Сентябрь

Не откупишься, не отмолишься,
Никуда от него не схоронишься...
Дымным вечером, зорькой-алостью,
Стылой звонкостью или талостью,
Разнотравьями и Кубань-рекой
Он идет ко мне, золотой такой...
Мой сентябрь, мой друг, погоди, постой!
Не тянись к душе ты моей простой...
Не бросай к ногам ты земли красу –
Для тебя ли я расплела косу?
Расплела косу, начернила бровь...
Для тебя ли я берегла любовь?

Такой вот небуквальной конкретностью дышит слово Валентины Слядневой, обращенное к Родине. Какая-то поистине былинная распевность баюкает нежным ритмом, уносит в далекие дали, словно поглаживает душу чем-то очень мягким, ласково «гипнотизирует» и чарует своей чудодейственной простотой. Как тут не вспомнить точное определение личности поэта, высказанное известным ставропольским литературоведом: «Она – собиратель народного звука, хранитель чистоты языка. Во всех ее стихах антология повседневности незаметно для нас переходит в сферу высокого искусства». И разве не в прогулке по гористо-холмистому Ставрополю родилось это стихотворение?

Тополь

Как я давно тебя, тополь из детства,
Не видела!
Среди нежных побегов и пней...
Знаешь, как я твоему
Постоянству завидую,
Кроне могучей
И силе подземных корней!
Снова зовут телеграммы –
Простые и срочные...
Пот, поднимаясь на гору,
Платочком сотру.
Тополь из детства,
И сказки, где реки молочные,

Будьте со мной на земле,
И я вся не умру.

И разве не волшебной «силой подземных корней» и «молочных рек»
Родины напитано каждое слово, каждый образ?

Мне в Париже жить не приходилось,
Для меня навек закрыт Милан.
Но зато какая это милость –
Шастать по отеческим углам!
Где живут еще грачи, вороны,
Стелют рай ажурный купыри,
Где орешников седые кроны
Рвут на части наволочь зари.
На судьбу я вовсе не в обиде –
Где хочу, хожу и ем, и сплю...
Может быть, и я буду любима
Родиной – как я ее люблю.

Вся жизнь поэта – возвращение к истокам. Уезжая куда-то, она уже начинала тосковать по Ставрополю! И слагала в его честь все новые и новые стихи. На перекрестках ее судьбы они вставали вешками, обозначавшими желанный путь домой.

Перекресток

Бьется ветер в лицо и колючий, и жесткий.
Я иду к перекрестку знакомых дорог...
Побелило их утро синеватой известкой,
Красно-бурый шиповник щемяще продрог.
Я иду к перекрестку мимо старых акаций,
Облетевших акаций, что прижались к дворам...
Он позвал меня в путь и позволил остаться,
А верней, возвращаться сюда по утрам.
Я иду к перекрестку.
Ветер щеки мне студит.
Вот и старый колодец, и знакомая дверь...
Для меня ты, Россия, начиналась отсюда,
Но об этом узнала я только теперь.

Какой пронзительно-трогательный и одновременно мощный патриотизм! В книгах Валентины Слядневой он – словно вечный светоносный поток любви, нежности, верности...

Лишь бы солнышко снова вставало...
На родимой земле – что за милость! –
Я живу, никого не кляня,
И на свет этот белый явилась,
Чтобы стало светлей от меня.
Мне вдали моя родина снилась,
От печалей меня заслоня.
Вот березка ко мне наклонилась,
Защищает от ветра меня.
Пусть судьба улыбалась мне мало
И удачи брели стороной!
Лишь бы солнышко вечно вставало
Над любимой моей стороной.

Между прочим, певцом Ставрополя и Ставрополья Валентина Сляднева была еще и в буквальном смысле слова: на ее стихи многими талантливыми композиторами созданы замечательные песни о родном крае. Их с удовольствием поют и с не меньшей радостью слушают земляки, находя в словах поэта удивительно точное созвучие собственным чувствам.

Ставропольская лирическая

Слова В. Слядневой.

Музыка К. Губина.

Мое Ставрополье!
Цветы твои сроду не вянут!
Прохладные росы в лугах выпадают к утру...
Над полем бескрайним, над травным простором медвяным
Пурпурное платье зари парусит на ветру.
Серебристой ковылью помашет мне степь!
Всхлипнет курай...
Ты как песнь моя!
Песнь эту мне петь,
Милый мой край!
Тут в стежки-дорожки навек будет след мой впечатан!
И в блеске ажурном поднялись кругом купыри...
А жатва наступит – машины все мчатся и мчатся,
На склонах – отары, а ягод – горстями бери!
Струны спелой пшеницы, терновник у круч
И птичий грай! Ты в сумятице дней, словно солнечный луч,
Милый мой край!

Прохладные речки, сады к себе вновь зазывают
Меня отовсюду, к родному крыльцу торопя!
Мое Ставрополье, нигде тебя не забываю,
Поскольку никак невозможно забыть мне тебя.
Серебристой ковылью помашет мне степь,
Всхлипнет курай...
Ты как песня моя!
Песню эту мне петь,
Милый мой край!

Литературный Ставрополь

*Чекалов Пётр Константинович,
доктор филологических наук, профессор
Белик Вера Ивановна,
кандидат филологических наук*

Ставрополь – административный, культурный центр Ставропольского края. Вырос из крепости, основанной в 1777 году на Азово-Моздокской оборонительной линии, и в короткий срок приобрёл значение важного экономического центра Северного Кавказа.

В конце 18-го и в 19 вв. путь из России на Кавказ начинался от Ставрополя, здесь происходило оформление всех дипломатических, торговых и индивидуальных передвижений. Потому известная фраза «Ставрополь – врата Кавказа» воспринимается не только как литературный образ, но и в буквальном своём значении. Несколько иначе эту же мысль выразил ставропольский поэт Геннадий Фатеев: *«Твоими, Ставрополь, глазами / Глядит Россия на Кавказ»*. Строки стали афористическими, многие используют их в своей речи, забывая о том, что и основной текст стиха замечателен сам по себе. Напомним начальные две строфы:

Есть в мире город, южный город,
Частица Родины моей.
Он из полей стремится в горы,
Весь в ожерелье тополей.
Он весь теплом и светом залит,
Рекой цветов чарует нас.
Твоими, Ставрополь, глазами
Глядит Россия на Кавказ.

С великолепно оприродненным образом города, в котором можно уловить отдельные переключки с фатеевским стихотворением, встречаемся мы и в посвящении Ставрополю Александра Екимцева:

Глядит на синие просторы,
На гор серебряную цепь
Мой город, уходящий в горы,
Мой город, уходящий в степь.

В прохладе тополей могучих,
В тени каштанов вековых,
Остановился он на круче,
У туч, белее снеговых.

Остановился южный город
И отряхнул степную пыль.
Широкий плащ степных просторов
Сползает с плеч его в ковыль...

Другой известный ставропольский поэт Иван Кашпуров наполнил образ города степным духом:

Здесь по улицам ходят степенно
Продувные степные ветра,
И настоем душистого сена
Пахнет город всю ночь до утра.

Узнаваемую топонимику и элементы ставропольского городского пейзажа запечатлел Владимир Гнеушев в стихотворении «Любовь»:

И вспомнил я город, в котором
Каштаны в саду городском.
Там в улочке Первой Подгорной
Мне каждый булыжник знаком.
Там перед звонком за минуту,
Тяжелой листвой шевеля,
Сошлись у дверей института
Да так и стоят тополя...

Обратим внимание: из всего растительного мира в приведённых стихотворениях с образом Ставрополя ассоциируются в первую очередь тополя. Это не случайно, потому что ещё в 1970–80-е гг. в нашем городе было много тополей, и эта примета находила своё отражение и в лирических посвящениях городу. Стояли они и перед главным корпусом педагогического

института в начале улицы Пушкина. Впоследствии, к сожалению, их стали спиливать, не сохранились они и перед зданием пединститута.

В другом стихотворении Гнеушева «С друзьями рядом» мы снова встречаемся с узнаваемой праздничной картинкой, с ушедшими уже названиями, дорогими сердцу людей, чья молодость выпала на те же 70–80-е гг. прошлого столетия:

Флажков и флагов пестрые ряды,
Под ветром разворачиваясь броско,
Бегут на Комсомольские пруды,
Полощутся на горке Комсомольской.

Игорь Романов к ставропольской теме подошел своеобразно. Как и свойственно поэту-сатирику, он оставил шутливую зарисовку о краевом центре:

Посвящаю всему Мирозданию
Эту звонкую новую песнь!..
В нашем городе высятся здания,
Тротуары на улицах есть.
Есть деревья, столбы и бульвары,
И автобусы ходят насквозь.
В магазинах на полках товары
Продаются и оптом, и врозь.
Ночью окна полны электричества.
На бульварах шумит молодёжь.
Бочек с пивом большое количество...
До чего же мой город хорош!

Из современных ставропольских авторов обратим внимание на стихи юной Кристины Лимановой, в которых город предстаёт единым живым существом:

Там, где новою жизнью дышит рассвет и закат ожиданием полон,
Разместился однажды в сплетении лет мой любимый и светлый город.
Он под крыльями Ангела гордо стоит и всегда остается молод.
А дыханьем своим расцветает в других, забирая и боль, и холод.
Убаюкает всех колыбельной зарей и разбудит звонком колокольным.
Этот город мне мил, потому что он мой и здесь жить хорошо и привольно.

Эти стихи уникальны не только тем, что написаны школьницей-старшеклассницей, но и по той причине, что никто из ставропольских поэтов не посвящал строки своему городу столь длинным 7-стопным анапестом!

Трудно даже представить, что кто-либо из них когда-либо обращался к такой форме и по другой тематике.

Из поэтов-классиков раньше всех Ставрополь в своих произведениях упомянул Пушкин. Он останавливался в нашем городе дважды: в 1820-м, во время первой своей ссылки, и в 1829 году. И вот в очерке «Путешествие в Арзрум» он писал: *«В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры тому ровно девять лет назад. Они были всё те же, всё на том же месте. Это снежные вершины Кавказской цепи».*

Обратим внимание: маячившие на дальнем горизонте вершины снежных гор поэт воспринял за белые облака, и лишь затем пришло осознание, что это – не облака, а горы.

Тот факт, что вслед за Пушкиным в Ставрополе неоднократно бывал Лермонтов, знают, наверно, все. Он не оставил описания города, но дважды воспроизвёл его название в романе «Герой нашего времени»: первый раз в повести «Бэла», когда автор-рассказчик спрашивает Максима Максимыча: *«Вы верно едете в Ставрополь?»*, *«Так-с точно... С казёнными вещами»*, – отвечает штабс-капитан.

И в «Княжне Мери» упоминается не название даже, а только первая буква: *«Я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодёжи»*. Под «С» подразумевается Ставрополь, именно здесь автор встретил Мейера, прототипа Вернера.

Переходя к образу Ставрополя в прозе, думается, есть смысл расположить материал в соответствии с хронологией не литературных, а исторических событий, связанных с городом. Возьмем за точку отсчета его возникновение. Художественное отражение этого момента зафиксировано в романе В. П. Бутенко «Кавказский набат»:

«22 октября, в праздник иконы Казанской Божьей матери, хопёрские казаки и драгуны Владимирского полка, одолев затажной склон, разбили бивак на вершине горы, где предстояло заложить Московскую крепость. (Московская крепость впоследствии получила название Ставропольской). Несмотря на церковный праздник, полковник Шульц приказал приступить к работам. Хопёрцам предстояло пилить и рубить деревья. Они стояли непреступной стеной. И, действительно, сколько обозревал глаз, – и на севере, где урочище смыкалось с долиной речки Ташлы, и на юге, загражденном холмами, и вокруг вершины простирались вековые древостои. Росли здесь в изобилии буки, орехи, дубы, липы. Тесными полчищами стояли темноствольные грабы и клены. И недаром древесный массив, раскинувшийся по склонам плато, посреди степного простора, был назван Черным лесом.

Вблизи него, с горных вершин, начинались русла рек, в том числе Егорлыка, вдоль которого предстояло еще заложить две крепости».

И начало освоения земли под будущую крепость знаменуется образом первого спиленного дерева: *«Старая липа, между тем, поддавалась, и напил на стволе поминутно углублялся... Наконец, дерево слегка качнулось. Расторопно подбежавшие драгуны в несколько рук надавили на ствол. И высокая, в золотистой накидке из листьев, красавица липа, прощально махнув небу верхушкой, рухнула наземь, с нарастающим треском обламывая соседние деревья. Простора на поляне прибавилось».*

Небезынтересно отметить, что наряду с домом для офицеров полковник В. Шульц, непосредственно руководивший строительством Ставропольской крепости и ставший первым её комендантом, распорядился начать строительство с обозного сарая, конюшни и гауптвахты. (Гауптвахта – место, где провинившийся военнослужащий отбывает наказание за какой-либо проступок). Будучи немцем по происхождению, Шульц требовал неукоснительной дисциплины и считал, что добиться её можно только страхом перед гауптвахтой. Любопытно при этом, что в разряд первоочередных задач не входило строительство жилья для рядовых солдат и казаков. Было решено, что они люди закалённые и как-нибудь перезимуют в землянках и палатках.

Этот же момент – начало освоения земли под Ставропольскую крепость – нашло художественное воплощение и в книге Иоакима Кузнецова «Крепость в степи»: *«На опушке Чёрного леса стояли ряды палаток и шалашей, горели костры, варили ужин, слышался весёлый говор и смех. Первые поселенцы, одетые в военную форму, начали обживать ставропольскую землю, прокладывая на ней первые тропки...»*

Здесь же описывается благодарственный молебен в честь закладки первого камня крепости. Происходило это так: был определён центр будущей крепости, и там выкопана яма, в неё положили вытесанный из камня крест и засыпали землёй. При этом полковой священник пропел густым басом: *«По велению Господа нашего закладывается сей символ в твердь земли русской! Да будет сие место нерушимо, благодатно и счастливо!..»*

И вот уже люди принялись за расчистку места от леса: *«На небольшом участке горки люди как муравьи на встревоженной куче. В воздухе стук топоров, звон пил, тяжелые вздохи падающих деревьев».* Растут штабеля пахнущих свежим соком бревен, плотники мастерят заготовки для стен сараев и казарм, пилят на высоких козлах доски. Другая часть людей роет траншеи под фундаменты зданий, крепостной стены, возводят ров и вал... Так начинается строительство Ставропольской крепости, и уже к следующей

осени были готовы крепостная стена, конюшни, кузни, слесарная изба, артиллерийский склад, пороховой погреб, гауптвахта. Неподалеку от крепости казаки возводили избы, и со временем выросли две улочки: Хопёрская и Казачья.

В книге И. Кузнецова нашла своё отражение Бабина роща (ныне – Центральный парк культуры), названная «зеленым сердцем города» (великолепная метафора!): *«Вековые дубы, ясени, буки, белолистка и клены. В тенистых аллеях бодрящая и освежающая прохлада. Скамеечки и танцевальная площадка. Чистота. Старые разлапистые, начавшие подгнивать деревья срезались, на их место высаживались молодые. Во всем чувствовалась заботливая хозяйская рука».*

Именно здесь, возле родника Желобовка Пушкин объясняется в любви Марии Раевской. И затем, чтобы читатель ясно представил описываемое место, автор дает современное описание его: *«На том месте <...> теперь сооружены два водоема, разделенные дамбой и железным мостиком. В верхнем – островок посередине искусно образован, на нем три дуба-брата стоят, а вокруг островка два лебедя плавают...»*

Относительно начала 1830-х гг. Ставрополь в книге И. Кузнецова характеризуется таким образом: *«Если днем в городе кипела жизнь, то с наступлением вечерних сумерек замирала. Ставрополь погружался в темноту. Тусклыми желтоватыми пятнами мерцали окна домов, там большею частью горели стеариновые свечи производства местного завода; только в купеческих, крупных военных и гражданских чинов областного правления – роскошь: ярко пылали десятилинейные лампы, заправленные прованским маслом в смеси со спиртом. Театра не было. Газет не читали. О политике не рассуждали».*

В «Крепости в степи» описана и двухэтажная гостиница Найтаки, расположившаяся в центре Николаевского проспекта. По одной его примете это здание можно узнать и сейчас: *«Со второго этажа на улицу выходит просторный балкон, сооруженный на высоких, вылитых из чугуна, столбиках и обнесенный сверху ажурной железной решеткой»...*

Интересно проследить в книге историю Николаевского проспекта (нынешний проспект Карла Маркса). В 1840-е гг. он выглядел таким образом: *«Посередине между северной и южной дорогами, тянулся пустырь, заросший бурьяном в рост человека – обиталище бездомных собак, бродяг и пьяниц. И это на самой главной улице областного центра. Да и обе проезжие части дорог не замощены, в ненастье сплошная грязь – не пройти, не проехать».*

Считая такое положение позором, градоначальник Устинов подрядил артель мужиков, и они за месяц очистили от бурьяна срединную часть

проспекта, выровняли землю под пешеходную дорожку, засыпали её песком, посадили по бокам молодые акации, поставили скамейки. «Получился бульвар, правда, не на весь проспект, а только лишь на верхнюю часть его... Вместо захламленного пустыря поднялись молодые стройные зеленые акации, посаженные в две строгие шеренги, лента желтого речного песка, плотно утрамбованного на прогулочной дорожке, скамейки, выкрашенные красной, голубой и оранжевой краской. Самую многолюдную центральную улицу города украсил чистенький, уютный сквер, который манил к себе людей, располагал к отдыху».

В повести Е. П. Лачиновой «Проделки на Кавказе» город представлен глазами приближающегося к нему созерцателя: *«Завиделся Ставрополь. В продолжении семи верст езды вы рассматриваете его расположение по скату горы; оно вам понравится, особливо после утомительной картины степей. Несколько больших зданий, потом глубокий овраг, усеянный домиками, несколько церквей и садов – прекрасный вид!»* Но вскоре общий благопристойный вид издалека сменится на его противоположность: *«Вы въехали – какая пустота! Ни одного порядочного здания! Все мелко и низко, корчит величие – жалко и смешно смотреть! Тут не заметите ни торговли, ни промышленности».*

Автор отмечает, что, кроме служащих, подрядчиков и мелочных торговцев, иных жителей в городе почти нет, а им никакого изящества и художества не нужно, их потребности вполне удовлетворяются мясным рядом, винным погребом, суконной да мелочной лавками.

В повести И. Д. Сургучёва «Губернатор» нашли своё отражение многие ставропольские места начала XX века: Ташлянское предместье, Архиерейское подворье, Кафедральная гора, электрическая станция, здание полиции с пожарной каланчой, Воронцовский сад и т.д. Вид города со стороны железнодорожного вокзала представлен сквозь призму видения губернатора: *«Впереди, в гору, шла улица с электрическими фонарями, магазинами, трехэтажными домами, окружным судом, направо – дремал густой, зеленый бульвар».* К образу бульвара автор будет возвращаться неоднократно, подчеркивая его сходство с длинным садом, отмечая темно-коричневые камни мостовой, казавшиеся отлакированными после прошедшего дождя. А в другом месте утренний бульвар соотносится с огромным, густым лесом, дышащим густым, душистым дыханием. Говоря о вечернем городе, автор снова возвращается к любимому месту: *«Город закрывал свои магазины, тушил огни, уходил в театры, кинематографы, а на бульвар сходились осторожные парочки, садились на низеньких скамьях, стараясь спрятаться от лунных пятен, шептались о любви и крепко, беззвучно целовались».* Данная картина –

вневременная: меняются эпохи, а бульвар и влюблённые пары остаются неизменно.

Свое место в повести занимает губернаторский дом (здание нынешней мэрии из красного кирпича на пр. Карла Маркса): «Большой, двухэтажный, выстроенный в 1876 г. с прекрасными, строгими зеркальными окнами, балконом, который поддерживали четыре согнувшиеся гипсовые женщины».

В советское время был надстроен еще один, третий, этаж, гармонирующий с общим стилем постройки конца 19 века.

В романе Ю. Г. Слепухина «Тьма в полдень» в образе города Энска синтезируются два реальных города: Ставрополь и Проскуров. И здесь проглядывают узнаваемые места, тот же бульвар, на который выходят окна дома одной из героинь: *«Бульвар был действительно красив. Заиндевелые, густо опушенные снегом ветви, резко освещенные белыми фонарями, сияющим сказочным узором, были врезаны в угольно-черное небо».*

В своём романе Слепухин засвидетельствовал бомбардировку города 3 августа 1942 г.: *«С бешеным свистом и воем прошел самолет совсем низко, и прямо над ними, как показалось всем – потом второй, третий; сухой и деловитый звук пулеметов каким-то странным диссонансом вплелся в этот разнузданный ураган звуков».*

В трилогии Владимира Бутенко «Казачий алтарь» предместья Ставрополя в период оккупации города немецкими войсками (с августа 1942 по январь 1943 гг.) представлены так: *«Приметы отпыхавших боёв угадывались повсюду. Чернели пепелища нив и скирд, воронки от бомб, окопы. На возвышенности – битая техника: искореженная пушка, сгоревшие до колесных рам автомашины, два немецких танка. У ближнего, наполовину обугленного, не было гусениц. А со второго, скорей всего, прямым попаданием бронебойного снаряда сорвало башню».*

Здесь же упоминаются Верхний и Нижний рынки, Таманский лес, Андреевская церковь, улицы Достоевского (Дзержинского), Нестеровская (Советская), Главный проспект (пр. Карла Маркса). Один из главных героев романа, Тихон Маркяныч, так отзывается о Ставрополе и его жителях: *«Да-а, бывал я здесь... городишко неказистый. Но – богатейный! И люди скрытные, жадноватые. Куркуль на куркуле!..».*

Послевоенный город с высоты птичьего полёта запечатлел Семен Бабаевский в романе «Кавалер Золотой Звезды». Главный герой, Сергей Тутаринов, летевший самолетом из Пятигорска в краевой центр, увидел его таким: *«На горизонте показалось что-то белое – не то полотно, растянутое для сушки длинными полосами, не то стая гусей, слетевшая на пригорок. Когда же самолет подлетел ближе, Сергей увидел не полотно, и не гусей, а*

белые дома; они потянулись вдоль улиц, разбежались во все стороны, утопая в пышных кустах зелени, стройных рядах тополей...».

Глазами того же Тутаринова представляется и вид с Комсомольской горки: *«Перед ним лежал не обычный город, а столица степного края со своим особым, неповторимым колоритом, с широкими, как и сама степь, проспектами и улицами. Белые дома в садах, и чем дальше от центра, тем зелень садов становилась сочнее, – там она совсем скрывала строения и сливалась с красками поля... Чудесная панорама лежала на многие версты... Сюда, к Ставрополю, идут все степные дороги и тракты, скрещиваются и снова разбегаются во все стороны, а белый город, как сторожевой маяк стоит на высоком плато, и у ног его – куда ни помотришь – стелется холмистая степь...»*

Чуть позже город герою представится *«белой птицей, плывущей по синему простору...»* И даже ночью он все видит во сне «город плывущий над степью наподобие большой белой птицы».

Город-птица – прекрасная метафора!

Пройдёт семь десятилетий, и поэтесса совсем другого поколения – Алла Мельник, – построит своё стихотворение на этой же метафоре, соотносящей Ставрополь с птицей:

Белый город птицею летящей
На зеленых высится холмах.
Грезился мне сказкой настоящей
Белый город, крыльев легкий взмах.
Небо ближе в нем, летят быстрее
Вереницы светлых облаков.
В центре, на каштановой аллее,
Слышится дыхание веков.
Смотрят мирно крепости бойницы,
Повидали многое они.
Шелестят истории страницы:
Вот былое, вот и наши дни.
Наш народ, отзывчивый и смелый,
Но и мудрый, знает: неспроста
Прадеды назвали город белый
Именем священным – Град Креста.

Географическое пространство романа А. Т. Губина «Светское воспитание» разнообразно: это и безымянная казачья станица, и Рига, и Москва, и Находка, и безымянный курортный городок на Кавказе, объединяющий в себе черты Ессентуки и Кисловодска. Но буквально первая

фраза романа рождает отчетливо узнаваемые ассоциации: *«Холодным мартовским вечером 1975 года, когда снежный норд-ост бешено торопился заштриховать наш маленький северо-западный городок, я по привычке прогуливался в безлюдном переулке. Из гранитного, светящегося одним окном дома – местного краеведческого музея – вышел человек, в плаще, меховой шапке, с тростью и папкой подмышкой, и, не сближаясь со мной, скрылся в темном старинном парке. Подойдя к каменным бабам, врытым у входа в музей, я заметил на снегу черный пакет...»*

Врытые у входа в музей каменные бабы, конечно же, привязывают начало действия к Ставрополю и конкретно к Ставропольскому краеведческому музею им. Прозрителева и Пrave.

Ставрополь конца 1970-х – начала 80-х гг. получил своё подробное воплощение в книге очерков известного ставропольского прозаика Евгения Карпова «На семи холмах» (1981). Но завершить свой обзор хотелось бы стихотворением поэта-абазина, Микаэля Чикатуева, который в середине 1950-х годов учился в Ставропольском педагогическом институте:

Салам тебе,
Зелёный город мой!
Ты распростёр широкие объятия:
Студента согревал меня зимой
У очага, где были все, как братья.
Деревья, что сажал я тут,
Стоят над юностью моей,
Как обелиски.
Что я ставропольчанин, подтвердят
Они верней,
Чем справка о прописке.
Здесь каждый был поэт и музыкант,
Здесь было столько радостных событий.
За песни извинит нас комендант
студенческих веселых общежитий.
Ты, Ставрополь студенческий, мне мил!
С хандрою незнакомый и со скукой,
ты не единым хлебом нас кормил,
а больше хлеба потчевал наукой.
Дорога тех, кто нам дарил любовь,
пусть будет не извиистой, не скользкой.
Их голоса я нынче слышал вновь,
когда стоял на горке Комсомольской.

О прошлом не печалься, не скорбя,
пришел к тебе, как сын приходит к маме,
сыновним сердцем чувствуя тебя,
я славлю красоту твою стихами.
Пришел, как возвращаются назад
из родника живой воды напиться.
Салам! Привет! – сказать тебе я рад.
Ты, Ставрополь, моей весны частица.

И вслед за абазинским поэтом эти слова искренней признательности могли бы повторить многие студенты, выходцы из соседних северокавказских республик, уже получившие своё образование и продолжающие обучаться в этом прекрасном городе под названием Ставрополь, Город креста.

Поколение⁶

*Черная Татьяна Константиновна,
доктор филологических наук*

После смерти К. Г. Черного И. В. Кашпуров возглавил писательскую организацию. Ему пришлось взращивать новую смену. Но он сам был одаренным поэтом и не отказывался от сочинительства никогда. Его стихи можно назвать литературным явлением. Он – поэт Ставрополя в полном смысле этого слова. Природа края, его история, годы войны, люди-труженики, любовь и ненависть, дружба и творчество – все находит у него емкое стиховое выражение. Кашпуров – едва ли не самый известный поэт на Ставрополье. Он отличается светлым мироощущением, оптимизмом, веселым нравом. В поступках близких людей, в памяти родного села, в переживаниях матери он находит глубокий общечеловеческий смысл. Пять тополей были посажены матерью в память о пятерых убитых на войне сыновьях. И оттого, что дети умерли раньше матери, ее жизнь кажется невыносимо древней, вечной, а корни и вершины тополей соединяют небо и землю, став знаком спасенной сыновьями жизни. Так воплощается тема народного подвига – через мотивы семьи, памяти, природы и вечности. Тяготее к лирической монументальности, стихи как будто создают памятник стойкости и бессмертию человека родной страны.

⁶ Черная, Т. К. Поколение // Русская литература Северного Кавказа: исследования и материалы / под общ. ред. В. А. Шаповалов. – Ставрополь, 2011. – С. 154–161.

Хутор Светлый... Прямо над дорогою,
Возле хаты, что других белей,
Каждый день верхами небо трогают
Пять пирамидальных тополей.

Интонации ритмической картины боя соединяются с тихой подкупающей трогательностью плача. Таково интуитивно, художественным чувством созданное мастерство поэта. Кашпуров – один из тех поэтов, чье творчество тесно связано с «малой родиной». Ее поэт чувствует всегда – вспоминает ли босоное детство, торопится ли в свою Калиновку на студенческие каникулы, бросает ли взгляд на просторы бескрайних степей, шагает ли по улицам Ставрополя, слышит ли за границей русскую песню «Калинка». Это ему принадлежит полюбившееся всем определение – «Ставрополье – синий край России» (за которое в свое время журила бдительная цензура – синий цвет ассоциировался с цветом жандармских мундиров в царской России), это он убеждает, что «не за морями чудо».

Край родимый дороги простер
Полевые, знакомые с детства.
Я их с гордостью принял в наследство,
Словно старый родительский двор.

Стихотворное наследство Кашпунова несет в себе простые ценности: быть добрым и честным, хранить заветы отцов, быть благородным и внимательным в отношениях с женщиной, уметь видеть исконную природную красоту – вот жизненные позиции поэта. И на фоне нынешних словесных исканий с потерей словесных значений стихи, питающиеся источником устной народной речи, звучат как-то по-особенному ласково и притягательно.

Значение творчества А. Е. Екимцева, очевидно, еще до конца не определено. О нем надо говорить как об эстетическом феномене, хотя написано им, может быть, меньше, чем другими. Тот факт, что Екимцев писал и для детей, и для взрослых, показателен потому, что в этом человеке действительно совмещались два взгляда на жизнь. Один – детский, озорной, светлый, неумный, почти сказочный. Другой – грустный, глубокий, тоскующий, полный рефлексии. Первый идет от его человеческой, природной сущности, второй – от тех процессов, которые в большом и прекрасном мире делают человека несчастным. К чему в этой жизни надо идти? От детства к взрослости или, наоборот, от взрослости к детству? Что есть истина? Печаль или радость? Радуга в небе, звон птичьих голосов, звериные следы, морской ветер или печаль разлуки и боль одиночества? Или, может, детская и взрослая жизнь – это «две большие разницы»? Два мира, одинаково ценные, но

несовместимые? Поэт один – мира два. Но если внимательно вдуматься, можно заметить, что в детстве-то и начинаются потери: вот рассеянный дедушка-туман потерял из дырявого кармана все свои драгоценности – лес, поля, солнышко – их жалко; а вот вьюга замела свои тропинки в лесу, а теперь плачет, ревет – заблудилась. Но в детстве потери почти незаметны, это игра. А когда человек взрослеет, его беды болью живут в сердце. И надо иметь много душевной силы, чтобы и беду воспринимать с пушкинской светлой печалью.

*Пусть уехал я далеко,
За моря, за степное жнивье,
Но в лесной стороне родником
Бьется сердце мое.*

На лесном обрыве крутом
Не однажды,
 мой друг, еще
Руку я кленовым листком
Оброну на твое плечо.

Или другое:

Пожелтела длинная трава,
Замелькала пятками листва,
Понеслась листва, помчалась вскачь
На болотный журавлиный плач.
И под клич прощальный журавлей
Все металась у болотных пней.
Все кружила в сполохах дождя,
Места на земле не находя.
Проводила в небо синих птиц
И упала чуть живая ниц.
Что-то шепчут, шепчут про свое
Губы пересохшие ее.

И может, постоянная память о детстве не дает поэту уйти в печаль. Ведь в детстве рождается любовь ко всему живому, к миру в целом. Она же остается и во взрослой печали. Отсюда множество оттенков чувства любви у Екимцева, она у него очень разная: печальная, легкомысленная, радостная, щемящая, огромная, маленькая, временная и вечная. Она обращена к детям, к деревьям, к птицам, к женщине, к родине, к человеку. Может, избыток этой любви, которая не всегда имела выход, сократил жизнь поэта на земле.

Жанр обзора имеет свои достоинства и свои недостатки. Трудно не обойти вниманием кого-то, трудно выразить точно индивидуальную неповторимость каждого. Невозможно проанализировать профессиональные качества творчества и невозможно процитировать лучшее. В этом обзоре мы говорим о том, что приобрела литература Ставрополья за годы становления, мы говорим о портрете поколения, по которому определяется лицо ставропольской писательской организации. Это, по нашему глубокому убеждению, поколение тех, кто формировался всей предшествовавшей историей ставропольской литературы, но сложился и выразил себя в 60-е и 70-е годы. Они дали колоссальный рывок, создали крепкий потенциал и с точки зрения художественной проблематики, и с точки зрения эстетических поисков. Они стали владеть словом в полной мере. У кого-то это получалось успешнее, у кого-то нет, кому-то мешали посторонние обстоятельства, кому-то – собственный характер. Говорить о гладкой, ровной дороге, конечно, было бы заблуждением. Но не наша задача сейчас анализировать недостатки, хотя это очевидно, что есть они и в самом процессе, и в деятельности каждого поэта и писателя. Кто не помнит постоянную инерционную оглядку на «магистральную линию партии», кто не сталкивался с препятствиями в опубликовании своих опусов, кому не казалось, что вот именно его-то и замалчивают из-за причин, о которых не принято говорить вслух, кому не претила вечная субординация и внутреннее рецензирование, не всегда, действительно, справедливое! Да и творческие удачи тоже не давались легко. А хотелось думать, что каждая строчка гениальна. И возникали обиды. Но все это – приметы нормальной, здоровой жизни, которая не протекает без бурь и туч. И только одно по-настоящему глубоко тормозило литературную работу и вызывало внутреннюю тревогу – отсутствие действительной свободы для человека, вечная тревога наказания за непредписанные действия, причем такого наказания, которое могло навсегда лишить возможности творческой работы. И все же мы имеем поколение сложившееся, творчески определившееся, сумевшее выразить себя.

Те же процессы происходили и в прозе. За Бибиком, Бабаевским, Егоровым, Чумаком сформировалась плеяда писателей, создавших фундаментальную основу литературного процесса и проложивших дорогу следующему поколению. Работать им пришлось в противоречивых условиях. В прозе это ощущалось сильнее, чем в поэзии. С одной стороны, доступность хорошего профессионального образования, наличие полноценных библиотек, возможность коллективных обсуждений в Союзе писателей. С другой – строгость цензуры, необходимость партийности, номенклатурщина, требования социалистического реализма. Приходилось порой и наступать «на

горло собственной песне». И тем не менее писатели создавали и в прозе интересные произведения, в которых сказывался их жизненный опыт, знание людей, живших именно в этих условиях, именно в такой стране. Люди трудились, любили, мечтали, учились, искали свое место в жизни и, как в любую другую эпоху, заслуживали пристального внимания. Герои времени были обычными учителями, артистами, врачами, спортсменами, рабочими, крестьянами, создавали семьи, расходились, мучались совестью, завидовали, страдали и радовались, умирали. Делали они это по-разному, с разными чувствами и мыслями. И об этом можно было писать.

Для старшего поколения характерна была учительская интонация. Они в самом деле повидали многое, хотелось, чтобы об этом знали все, учились на опыте. Только трудно было войти в такую систему художественного мышления, которая совмещала бы в себе ненавязчивую мораль, рожденную самой образностью, и объективное повествование, где довлеет логика персонажа и события, сама по себе приводящая к выводам морального плана. Идеологизм считался большим достоинством. С этой точки зрения характерно творчество В. И. Туренской и П. П. Мелибеева. Их книги можно назвать образцом тенденциозной, воспитывающей литературы. Туренская писала о школе, об учителях, о людях военного и послевоенного времени. Ее произведения окрашены светлым чувством любви к жизни, к молодежи, идеальными стремлениями. Но на ее примере можно хорошо увидеть, как усиленная идеологизация мешает созданию живых образов людей, хотя в таланте Туренской было много умения естественно и эмоционально вести повествование («Зрелость», «Просторы», «Девятая», «Крутая радуга» и др.). Но такая литература была фактом не только ставропольского литературного процесса.

Свой путь в литературе нашел М. В. Усов, сумевший рассказать о Гражданской войне, основываясь на воспоминаниях о близких друзьях, что сделало его книги «Жили ребята в Георгиевске» и «Судьбы» не только достоверными, но и сердечно искренними. Но главным образом Усов посвятил свои творческие силы глубокому проникновению в жизнь природы. Каждая маленькая деталь становится предметом удивленного любования чудом, что сопровождается иногда философскими размышлениями. Вписываясь в уже известную традицию классической литературы, Усов ведет читателя в чудесную страну без имени, сказочную мечту детства, приближенную к нам прищвинским талантом. В ту страну, которая живет одухотворенной жизнью и всегда готова поделиться с теми, кто приходит в нее с открытой душой и любовью. «Та неведомая страна без имени и есть моя родина» (М. Пришвин). Когда в миниатюрах о природе Усова отсутствует указующий перст,

происходит то самое возвращение в детство, которое становится богатством будущего.

Разносторонним был вклад, внесенный в жизнь писательской организации К. Г. Черным. Его огромный жизненный опыт послужил причиной избрания на должность секретаря писательской организации. Помимо контролирующей функции, которая возлагалась на него по обязанности, он в гораздо большей степени осуществлял функцию защиты и поддержки, чему сохранилось множество свидетельств. Три дела, у истоков которых он стоял и организатором которых был, в которые внес свой немалый личный вклад, – каждого из них в отдельности было бы достаточно для жизни одного человека: труд у истоков факультета русского языка и литературы, труд у истоков писательской организации, основание и издание альманаха «Ставрополье». Трудно сказать, что было важнее для Карпа Григорьевича – работа преподавателя или писательская деятельность. И то и другое было ему дано, и то и другое получалось. По воспоминанию ныне покойного профессора В. М. Тамахина, К. Г. Черный не только читал глубокие и доходчивые лекции, но и умел «пробуждать в человеке веру в собственные, еще не испытанные возможности». То же было с молодыми писателями. У самого же Черного особенностью творческого почерка была духовная окрыленность, неистребимое убеждение в том, что человек может в этой жизни очень многое, если правильно выбрал свою дорогу. На глазах этого человека шла наша непростая история, и герои его книг проходили свой путь вместе с нею. В их мечтах и поступках содержатся такие идеалы и чувства, которые позволяют им в любых обстоятельствах оставаться людьми. Их отличает доброта и взаимопонимание, глубокое уважение к традициям, к земле и ее плодам, выращиваемым тяжелым трудом («Там, вдали за рекой...», «Сегодня, завтра, всю жизнь», «Несколько дней жаркого лета», «Мать – Доброе Сердце», «Звенья», сказка для детей «В стране запрещенных улыбок» и др.). Он обладал чутьем добра, честности, порядочности, и оно в трудные периоды выводило его из состояния рефлексии. Он писал о том, что видел и пережил сам. Поэтому его книги правдивы и интересны, обладают чувством меры и в изображении детально-бытового фона, и в романтической приподнятости. Приобщенный к поколению «шестидесятников» самой судьбой, он сумел избавиться от дидактизма и идейной навязчивости, присущей эпохе 40–50-х годов. Он любил литературу чисто и самоотверженно, искренне видя в ней спасение от многих бед. И даже в произведениях о войне светлые минуты чаще всего связаны с книгой, преимущественно с классической. Он был, пожалуй, больше романтик, чем многие молодые писатели.

Литература, как известно, состоит не из одних классиков, и чем ближе к нам, к нашему времени, тем меньше «классиков» мы видим, тем важнее представляется сам процесс литературной жизни, общая картина вхождения жизни в литературу и обобщения (а иногда и открытия) в ней тех законов, тех существенных отношений, по которым живет в этой жизни человек. В период, о котором идет речь, утвердились в своих творческих силах, поняли и проявили себя писатели, на которых теперь неизбежно оглядывается новое поколение. Молодые, конечно, как всегда, считают себя умнее и лучше, но никуда не деться от того, что было и как было. А лицо ставропольской литературы, со своим взглядом, со своей совестью, со своими убеждениями и требованиями, со своей, наконец, формой слова, смотрит на сегодняшний день глазами тех, кто сложился в период 60–70-х.

По сегодняшний день плодотворно работает в прозе Г. М. Шумаров. Писатель и врач, он хорошо знает человеческое сердце. Его произведения раздумчивы и психологичны. Он уделяет внимание не столько событиям как таковым, сколько внутреннему миру человека. Поэтому в его книгах всегда можно обнаружить «второе дно», подтекст, очень часто ироничный. Он пишет спокойно, обдуманно, с каждым годом совершенствуя свое мастерство. От первых книг («Круглый стол на пятерых», «Письма идут медленно», «Ни эллину, ни варвару» и др.) до «Стола Пастернака» – огромное творческое расстояние. За это время писатель пришел к истине о том, что писательское «я» не всегда единично, что писатель зависим от общества, времени и своего поколения. Теперь, говоря «мы», писатель тверже осознает свое «я». И это тоже произошло у него спокойно, как это бывает у простого русского человека.

Интересная жизнь дала хороший материал для книг В. С. Чернова. Они о людях и их труде. Но главное у этого писателя – интерес к поворотам человеческих судеб, к неожиданным сюжетным ходам, к сложным и сильным характерам. Он выбирает неординарных героев, которые на первый взгляд кажутся ничем не примечательными, но несут в себе честное и благородное ядро, что и проявляется в их поступках. Неординарность его героев исходит из их самостоятельной жизненной позиции, независимого мышления, далекого от всякого формализма. А внутренняя сила характера, данная человеку от природы, диктует выбор в поведении. Проблема выбора – главная тема творчества В. Чернова. От его повествования всегда надо ждать чего-то «вдруг», которое тем не менее на самом деле является логичным итогом жизни человека. И еще одна особенность отличает его перо, придавая всему написанному индивидуальный стиль. Это то, что теперь именуется интертекстом, – постоянный ориентир на образцы, на вершины, с которыми

только и можно, по мнению писателя, сопоставлять себя: древние мифы, Хемингуэй, исторические личности и вообще все, когда-то увиденное и услышанное. Отсюда и яркость заголовков его произведений: «Сто пятая жизнь Акбара», «Свирепый марсианский бог», «Королевский краб», «Мост через Валерик», «Золотой клевер на зеленом поле» и др.

Лиричны и глубоко человечны повести В. С. Колесникова, обладающего мягким, добрым авторским взглядом. Это талант чистый и естественный, идущий от души. Здесь не имеет значения, о чем взялся писатель рассказать, – обо всем он пишет одинаково талантливо. Он умеет, как это бывает у истинно талантливых авторов, взять читателя в плен своим словом. Захватывает событие, каким бы малым оно ни казалось, захватывает герой, как бы ни казался он незначителен, захватывает описание, каков бы ни был его предмет. Слово льется само, не придуманное, а рожденное. Небольшие повести и рассказы В. Колесникова вбирают большое общечеловеческое содержание. Охота, природа и небо – три страсти писателя, по его признанию. Может быть, именно они и придали его книжкам особый колорит, раздвинутость в пространстве. Книги «Взлетная полоса», «Поля, полные перепелов», «Одинокие птицы», «Лазорики» говорят об одной из главных связей человека – связи с природой, на ней проверяется все: жизнь общества, значение истории, нравственные качества. Это, конечно, классическая традиция, но здесь как раз тот случай, когда классическая традиция не мешает проявлению художественной индивидуальности. К сожалению, написал В. Колесников не очень много.

Литература Ставрополя, конечно, не монографична. Это процесс, в который внесли свой вклад многие и многие. В. Грязев, С. Дроздов, П. Мелибеев, В. Дятлов, М. Грешное, А. Коротан, А. Малышев, Т. Шелухин, В. Ярош, Г. Андрианова, К. Пронская, В. Байдерин, Г. Баев, С. Бойко, И. Кузнецов – трудно даже перечислить все имена, не только сказать обо всех хотя бы коротко.

Авторы, о которых я сейчас пишу, составляют лицо поколения. Их опыт не прошел бесследно. Но следует сказать и о тех, кто чуть-чуть позже вступил на писательское поприще, однако начинал в той системе жизни.

Таков, например, В. К. Маляров, один из самых художественно одаренных авторов. Если спросить, кто является героем произведений Малярова, то первое, что напрашивается в ответе, – простой человек-труженик. Действительно, это рыбаки, трактористы, шоферы, лесосплавщики, хлеборобы – люди разных профессий, которыми не принято гордиться, потому что они «обыкновенные». Такой авторский адрес, очевидно, не только демократичен, но и благороден. Начало традиции изображения «маленького

человека» в русской литературе коренится еще в творчестве Пушкина и Гоголя, а в наше время стабильно утвердилось в блестящих образцах рассказов и повестей В. Шукшина. Однако, чтобы «маленький человек» стал героем литературного произведения, т. е. героем искусства, необходимо разглядеть в нем «большое» содержание, дающее возможность открыть новое, дополнительное знание о человеке вообще, о его отношении к жизни, к другим людям, к самому себе. Сила персонажей Малярова – не в их самоутверждении, не в философских поисках смысла своего существования. Но они просто и прочно стоят на земле, без особенных размышлений, но убежденно определяют для себя жизненные позиции. Хорошо – это победить свое несчастье, не потеряв при этом любви к жизни, защитить слабого, здоровым смехом и презрением поставить на место какого-нибудь зарвавшегося односельчанина, полностью выложиться на работе, любить детей, понимать чужие проблемы. Однако в экстремальной ситуации они способны на экстремальные поступки. Манера повествования Малярова ненавязчива и проста. Она вполне соответствует тематике его повестей и рассказов, органична для той жизненной сферы, в которой обитают его герои. Все как-то очень вовремя: событие, диалог, описание, сюжетный ритм, паузы. В. Маляров владеет этими инструментами художественной композиции, как хороший музыкант нотной системой. От этого чтение его произведений происходит без напряжения, вовлекает в себя естественно. В повестях Малярова нет излишних претензий на занимательность, экзотичность, нет спекулятивного желания привлечь читателя чем-нибудь особенным и неповторимым. Это просто хорошее писательское слово о людях, которых автор любит, которым сочувствует, в душу которых способен переселиться. Его герои – «не посторонние» ему. Первый сборник писателя так и называется – «Не посторонние мне люди». В. К. Маляров интересен и как личность, как человек, много повидавший и переживший, внимательный к людям, способный их понимать, и как писатель со своим стилем, со своей темой, со своими героями. И хотя написано им не много, это добротная литература, за которую писатель достоин уважения.

Крупной фигурой в ставропольской литературе, безусловно, является А. Т. Губин. Едва появившись в Ставрополе, он сразу произвел впечатление самобытностью, новизной стиля и масштабом своего дарования. Сборник рассказов и новелл «Афина Паллада», в заглавии которого заключена мысль о вековой мудрости, трагически, но справедливо пробивающей себе дорогу, посвящен великим людям искусства. Художники, о которых пишет Губин (Л. Толстой, А. Грин, Сервантес, Данте, Лермонтов и др.), прожили непростые жизни, были гонимы, запрещены, убиты, но остались в мире на века. Это не

биографии, всего лишь эпизоды из них. Писателю важно сказать, какими были эти люди, как в повседневности существовал их гений, как неповторимы они во всем, даже в мелочах. Он пишет о том, что есть люди, достойные великого слова «искусство», и о том, что великое дело искусства достойно этих людей. И вот это единственный ориентир для всякого, кто хочет приобщиться к искусству.

Другое произведение Губина – большое эпическое полотно из истории гребенского казачества, произведение синтетического жанра «Молоко волчицы», составленное из исторического повествования, современного романа, поэмы о любви. Все это сочетается в различных вариантах, то с преобладанием исторического романа, то с преобладанием поэмы. Главная мысль этого произведения состоит в том, что Губин видит не столько влияние истории (как объективного хода вещей) на человека, сколько влияние человека на историю. События вершатся людьми, надо только найти себе место, надо заниматься своим делом, не теряя человечности, любви. Талант может обернуться пороком, характер потерять и перекошиться на одну сторону, если попадет в неразбериху судеб, идей и целей. А любовь может стать или великой наградой, или великим судьей. Заглядывая сейчас в эту книгу, вдруг начинаешь понимать, что в ней так много скрыто намеков, знаний о нашей жизни и истории, – нам о них стало известно гораздо позже, уже после издания книги. Откуда это знание у молодого писателя – эрудиция ли, или интуиция художника, проникающего в суть явлений и характеров? По крайней мере, это не первый феномен в истории литературы. И не говорит ли этот феномен о том, что истина художественная бывает глубже и вернее истины исторической. Правда писателя – в том, чтобы довериться своему герою, дать ему свободу и волю жить так, как может именно он в обстоятельствах, в которые ставит его судьба. Губин это умеет делать. Роман разнообразен по формам повествования, автор прибегает к прозе, стихам, стихопрозе. Эмоциональная напряженность сменяется бесстрастностью художественного слова, драматизм событий переключается на лирику. В «Молоке волчицы» много традиций классики – от Лермонтова, Толстого, Шолохова. Опыт написания такого произведения говорит о том, что истинный талант растет и развивается именно внутри традиций, вовсе не боясь потерять себя. А в общем, герои произведения, как это происходит с людьми испокон веков, ищут правду и ищут любовь. Писать об этом можно всегда. Но найти нужную и неповторимую форму для нового произведения нелегко. Писатель за это отвечает.

Не стану писать дальше. Мой обзор и так слишком затянулся. Скажу только, что писательское поколение, которому я отдала дань благодарности,

действительно является презентабельным для ставропольской литературы. Может, и не все в его литературной жизни прекрасно, не все, наверное, отмечено должной даровитостью, и, если поставить такую цель, то можно написать совсем по-другому, выявить изъяны, просчеты, недостатки эстетического мастерства, биографические огрехи. Но будем судить о заслугах по заслугам, а не по тому, что мешало этим заслугам.

А литература Ставрополя живет своей жизнью, несмотря на сегодняшние трудности. Издается «Литературное Ставрополье». Звучат крупные имена – В. Ходарев, В. Бутенко, И. Аксенов, С. Подольский. Появляются новые. Дорогу осилит идущий, а нам надо сберечь литературное богатство, не измельчив его в угоду сегодняшней конъюнктуре.

«Ваш подмосковный ставрополец – Виктор Боков»

*Головки Вячеслав Михайлович,
профессор СКФУ,
доктор филологических наук*

Так нередко подписывал свои письма, адресованные мне, народный поэт России Виктор Фёдорович Боков (1914–2009). Вместе с письмами всякий раз присылал он новые стихотворения, которые писал, как правило, с восходом солнца. «Мне надо звенеть по утрам», – сказал он как-то одному из журналистов, которые не оставляли своим вниманием знаменитого поэта до последних его дней. На даче Виктора Бокова в подмосковном Переделкине всегда были люди – от именитых, которых знала вся страна, до преданных почитателей его поэтического слова: он буквально притягивал их к себе.

...Круглосуточно живу
и друзей к себе зову,
чтобы счастьем поделится.
А оно – любовь моя
К людям, к зверям,
К малой пташке,
К токованию ручья,
К ликованию луча
На моей простой рубашке!

(«Разговор с поэтом Михаилом Львовым»)

Как-то после одной из таких встреч в 1964 году сотрудник журнала «Студент», выходявшего на русском языке в Лондоне, писал: «Жизнь Бокова

– это сюжет для невероятно интересного приключенческого романа». (Студент. Журнал авангарда советской литературы. – 1964. – № 4. – С. 3.) Слово «приключенческого» не совсем правильно передаёт тот смысл, который вкладывал в него английский журналист, потому что в жизни поэта были и поистине трагические события, и светлые моменты вдохновенного труда, позволившие во всей красоте и во всём богатстве раскрыться его яркому таланту. Кстати, именно в этом журнале впервые были опубликованы стихотворения «Выдали хлеб», «Письмо Сталину» из ГУЛАГовского цикла Виктора Бокова «Сибирское сидение», который увидел свет только в начале 1990-х годов. Номер журнала привезла Виктору Фёдоровичу из Лондона тогда же, в 1964 году, – с большим риском для себя! – известная поэтесса Римма Казакова.

В большую литературу Виктор Боков вошёл на волне подъёма общественного, национального самосознания начала 1960-х годов, и сам стал художественным олицетворением этих эпохальных процессов. Его поэтические и песенно-музыкальные шедевры являются частью – органической и неотъемлемой – современной народной культуры. Своеобразие искусства Виктора Бокова определяется высоким синтезом глубинных национальных традиций и художественно-философского мышления нового времени, фольклорной эстетики и тенденций развития мировой литературы.

Его малая родина – Подмоскowie, но поэт принадлежит не только России, но и всему миру, являя собою пример талантливости русского народа, воплощая в своём творчестве идеалы гуманизма, нравственной чистоты, человеческой солидарности и отзывчивости, духовного совершенствования личности. Чувство *Родины, России* определяет единство его художественного мира, и это чувство согласуется с утверждением общечеловеческих моральных ценностей, формирует в сознании новых поколений значимость этнокультурной специфики русского народа для мировой цивилизации.

Ставрополье было для него дорогое, как и любая другая часть российской земли. Но с нашим краем Виктора Фёдоровича многое связывало. Помню, прислал однажды переписанное от руки своё программное стихотворение «Земля – она что-то да значит, / Цени этот пласт...», и я понял, что это поэтический привет хлеборобному Ставрополью. Всё, что хранило в себе духовную суть крестьянской России, вызывало у поэта трепетное отношение. Не случайно в его лирике концепты «слово» и «поле» не просто доминантные, а сопряжённые: их взаимосемантизация в каждом стихотворении создавала удивительное богатство смысловых значений.

С Кавказом, Ставрополем, Кисловодском, Пятигорском многое связано в творческой судьбе Виктора Бокова. Вот строки из его письма от 20 июля 1993 года, в котором шла речь об истории создания поэмы «Авдотья-рязаночка»: «Мне померещился этот сюжет в свободной былинной, летописной, песенной, пословично-поговорочной форме стиха. Я писал эту поэму в Кисловодске, и только там она двигалась во мне, я это объяснял... воздухом Кисловодска». Это былинное начало поэмы оказалось столь соответствующим внутренней атмосфере киноэпопеи Евгения Матвеева «Любовь земная» и «Судьба», что текст её зазвучал в этих фильмах за кадром, создавая необходимое ощущение внутренней связи исторического прошлого и настоящего России. В начале 1970-х годов Виктор Боков не раз приезжал в Кисловодск. В ноябре 1999 года поэт писал мне о том, что в подшивке 16 тома его рукописного архива сохранились стихи, написанные в Кисловодске. Это «Кисловодский кислород», «Ночь в Ессентуках», «Мое посвящение завбибам», «Песня о Кисловодске», «Кисловодские тополя». «Я очень любил Кисловодск, – писал Виктор Фёдорович, – в нём мне дышалось, творилось, леталось в высоты новых и новых знакомств». В Кисловодске состоялись три творческих вечера Виктора Бокова. Вспоминая об одном из них (вечер проходил по желанию самого поэта в санатории «Красные камни», и на нём присутствовали некоторые высокопоставленные лица из числа руководителей СССР), он писал: «Я вошёл в переполненный зал. Все ждали меня. <...> Я сразу снял настроение избранности, элитности. Внимательность зала была редкостная. Голос мой был крепок, дикция на редкость чистая и ясная. Весь вечер был торжеством поэзии».

Звуками «гнева и печали» отозвалась его лира на события Чеченской войны и на всё то, что происходило на постсоветском пространстве в те годы. «Искренней публицистикой» называл поэт те стихотворения, в которых шла речь о судьбе России и народов, её населяющих. Он не мог с высот поэтического Олимпа спокойно взирать на происходящее.

Как мне любилось,
Как мне дерзалось,
Как мои помыслы
Были чисты.
Как по-шахтёрски
В глубины врезалось,
В жизнь, в её
Вековые пласты.

Как на мне звенела кольчуга,
Делал я боевой бросок,

Если какой-нибудь
Сволочуга
Крал у родины
Лучший кусок... (1994)

Это не только писалось и оставалось в рукописях, с этими стихами Виктор Боков выступал на самых престижных концертных площадках страны – в Государственном Концертном зале им. П. И. Чайковского, в Колонном зале Дома Союзов, на сцене Центрального Дома работников искусств и т. д. Звучали эти стихи в то время, когда разворачивалась, растаскивалась «либералами» и «демократами» государственная собственность, создававшаяся невероятным, самоотверженным трудом многих поколений советских людей. Бокова пытались «замолчать», но он со свойственным ему гражданским темпераментом говорил только правду, за которую готов был идти хоть на костёр!

Именно в эти годы он обращал свой взор на Ставрополье как житницу России. «Ставрополь... город Лермонтова, южная пахотная Русь...», – восхищённо писал он мне в одном из писем. В девяностые годы Виктор Боков часто обращался к ставропольцам, к народам Северного Кавказа (стихотворения «Мэру Ставрополя М. Кузьмину», «В вашем крае льётся кровь...» и др.) со словами поддержки и солидарности, откликаясь на трагические события Чеченской войны.

В 1994 году, чеченское издательство «Книга» выпустило в свет небольшую книжечку стихов Виктора Бокова «В гостях у жаворонка». Уже пылал огнём войны Грозный, а типография печатала этот поэтический сборник. Каким контрастом агрессивности и злобе звучали боковские строки:

Нет нигде ни ссор, ни драк,
Ни захвата территорий...

(«Мир»)

Этот небольшой, скромно изданный поэтический сборник разделил судьбу великих книг: ведь с ним не расставались и в свой смертный час молодые ребята, солдаты, брошенные в горнило этой войны. Она согревала их своим теплом, была, может быть, единственной ниточкой, соединяющей их с домом, с родиной. В 1997 году «Российская газета» поведала читателям о том, что после Чеченской войны к Виктору Фёдоровичу обратился один из командиров, воевавших в Чечне. Он рассказал о том, что книгу стихов «В гостях у жаворонка», изданную не по указке свыше, а по инициативе чеченских почитателей его поэзии, находили в карманах гимнастеров погибших солдат. Одну такую прострелянную книжечку он и передал поэту.

Сегодня она хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства.

В наши дни невероятно возрастает роль творческой индивидуальности этого великого творца и хранителя русского слова в формировании российской идентичности у людей всех поколений, возвращающихся к живительным истокам народной культуры. Выходят массовыми тиражами его книги, и это, наверное, лучшее доказательство того, что продолжают свою жизнь во времени произведения Виктора Бокова, столетие со дня рождения которого будет отмечаться и в России и за её пределами в 1924 году.

Поэт от неба и земли⁷

*Иванова Елена Львовна,
поэт, лауреат литературной премии
имени В. И. Сядневой*

«Алтарь, солея и амвон – слова, дорогие мне с детства. Я с храмом росла по соседству. Мне дороги лики икон...» Мир, привычно близкий нашим верующим праотцам и чуждый, непонятный тем, чьё сознание сформировалось в эпоху атеизма, богоотступничества... Она смело шагнула из того мира – в этот, не растворившись в нём, но словом своим приблизив читателей к великой и нерушимой православной вере.

С Аллой Владимировной Халимоновой-Мельник мы знакомы давно, но до той поры, пока годы окончательно не утвердили за мной право старшего по возрасту обращаться к младшему на «ты», я не могла воспользоваться этим правом: как же, ведь она – матушка! И поэзия её особенная: в ней как бы изливаются, переплетаясь меж собой, две родниково чистые струи – вероисповедальная и мирская, светская, но также глубоко духовная. Видимо, именно поэтому первый сборник её стихотворений под названием «Молитва о России» вышел в свет лишь в канун её сорокалетия – раньше время было неподходящим. А ныне мы отмечаем её «дважды пятёрочный» юбилей, который традиционно признан порубежной датой для подведения итогов трудового пути человека. На путь этот в своё время благословил матушку Аллу сам Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн такими словами: «Я рад тому, что ты занимаешься поэзией и духовным творчеством. Развивай свой дар во славу Божию и на пользу людей».

⁷ Иванова Е. Л. Бессмертного дара наследники: статьи о творчестве писателей / Ставрополь, 2021 – С. 166–168.

Как случилось, что скромную служительницу Церкви Христовой заметил и благословил человек, которого знают в любом уголке России как истинного подвижника веры? За этим стоят не только личные заслуги её самой – причина тому и необычная родословная Аллы Владимировны Мельник, урождённой Халимоновой, давние духовные нити, которыми связан её род с православным братством.

Родилась она в Сибири в семье священника, служил православной вере и её дед (за что и пострадал, очутившись в суровом краю), замуж она вышла тоже за священника. Вот на фотоснимке, помещённом в том самом первом сборнике стихотворений, маленькая девчушка стоит у входа в храм, и обнимает их с братиком за плечи простоволосый мужчина с высоким крутым лбом, чем очень похож на святого Николая Угодника; на батюшке длинная, до пят, ряса и большой крест на груди. Это и есть глава семейства и пастырь своих прихожан отец Владимир Халимонов. Безграничная любовь дочери к своему наипервейшему наставнику соединяется её стихах с любовью к Творцу и миру, Им сотворённому, а боль утраты самого близкого и дорогого человека усиливается болью за свою Родину, которая претерпевает ныне не лучшие времена: «Мы – поколение сырых и безродных, безжалостных, поверхностных, немых, мы – поколение нищих и голодных, забывшие прапрадедов своих». Однако автор этих строк не поддаётся греху уныния, заключая: «Но ты воскреснешь, бедная Россия, и снова станешь сильной и святой!»

Алла Мельник – поэт от Неба и земли. Она не витает подобно бестелесному духу над пылью и грязью земных дорог – сама идёт по ним, как любой из смертных, только душой неизменно обращается к небесному, высшему. Свою философию жизни она высказывает с проникновенным лиризмом и запоминающейся образностью:

Жизнь – как большая белая птица,
Вначале всё выше, выше стремится,
Врезается крыльями сильными
В высокое небо синее
Всё дальше, круче, быстрее...
Потом постепенно тихо садится
Большая-большая белая птица
На землю, политую кровью, слезами,
Будто обильными горе-дождями.
И растворяется в ней...

Растворяется, сама становясь землёй, брeнная плоть, а бессмертная душа принадлежит вечности...

Чтобы творить истинную поэзию, способную трогать человеческие сердца, мало одного лишь природного дарования – необходим упорный и непрерывный труд ума и души, соединённый с познанием.

Алла Владимировна получила образование соответственно своей природной устремлённости к миру гармонии и красоты: после средней школы было Нальчикское музыкальное училище, затем окончила теоретико-композиторский факультет Новосибирской консерватории, факультет романо-германской филологии Кабардино-Балкарского университета, регентское отделение Петербургской духовной семинарии. Преподавала теорию музыки в том же Нальчикском училище, затем в Ставропольской духовной семинарии, сегодня поёт в архиерейском хоре Казанского кафедрального собора, работает преподавателем в отделении Ставропольской духовной семинарии.

И, конечно же, есть у нашей матушки и чисто женские обязанности, ведь в семье трое, ныне уже взрослых, детей. И каждого нужно наставить на путь истинный, помочь определиться в самостоятельной жизни. Нелегко приходится, но жить помогают вера и творчество. Всё, чем жива её душа, Алла Владимировна стремится выразить в слове, поэзия для неё – и чистосердечная исповедь, и страстная проповедь высоких идеалов, божественных заповедей.

«Человек – челом устремлённый в вечность, то есть к Богу» – это эпиграф к стихотворению «Человек». Но помнит ли он об этом сам? Отсюда размышление: «...Чему-то постепенно уступая, ты отдаёшь всю душу по кускам, и тихо плачет Дева Пресвятая по бедным искалеченным сердцам...». Цельность, верность однажды избранным идеалам – главная черта лирической героини Аллы Мельник. Снова и снова обращается она «челом вечности», дабы «Поднять и распахнуть пошире двери в обитель света, правды и добра».

«Священнослужитель – такой же человек, как все», – говорит матушка Алла. Выходит, подвержен всем земным искушениям и страстям? Да, именно так: «Нет спасения без смирения, А смирение – смерть страстям». Однако, миром, как известно, правят страсти. И нашему поэту, связавшему судьбу свою с Церковью, ничто земное не чуждо. В стихах Аллы Мельник присутствует вся палитра человеческих чувств: упоение красотой природы, радостью жизни – и горечь несбывшихся ожиданий; вера в человека, в лучшее будущее своей отчизны – и минуты сомнений, разочарований; стремление к любви, возносящей человека к вершинам духа, – и острое переживание одиночества. Её лирическая героиня умеет сублимировать своё чувство, если оно причиняет ей боль, в творческую энергию любви к безграничному и прекрасному миру: «Я буду жить загадочней и тише, но жить для всех». А это значит жить по-божески, с душой чистой и легкокрылой, для главной цели:

Чтоб птицей небесной парящей
Попала она, бестелесная,
Туда, где любовь настоящая –
Отечество наше Небесное.

Творческий багаж Аллы Халимоновой-Мельник насчитывает более десятка поэтических сборников... Пожелаем же её белокрылой птице жизни высокого и светлого полёта.

Отражение малой родины в лирике И. В. Кашпурова

*Чекалов Пётр Константинович,
доктор филологических наук,
профессор*

В сознании не одного поколения читателей Иван Васильевич Кашпуров воспринимается как провинциальный ставропольский поэт, и самое расхожее определение, которое можно встретить относительно него – «певец степных просторов Ставрополя». Так, В. Алов еще в 1969 г. уверенно заявлял: «Иван Кашпуров – поэт ставропольских просторов».

Через 10 лет эту же мысль несколько иначе и более сильно выразила Т. П. Батурина: «Ставропольская степь в лице Ивана Кашпурова нашла своего поэта». Спустя еще немного времени литературовед Л. П. Егорова подтвердила: «Иван Кашпуров вошел в литературу как певец Ставрополя, его природы и земледельческого труда». Характерно, что спустя всего два года после этой публикации поэт А. Мосинцев свою статью о Кашпурове озаглавил как нечто уже устоявшееся и само собой разумеющееся: «Певец родного Ставрополя».

Однако, масштаб поэтического дарования Кашпурова сегодня осознается несколько иначе. 10 октября 1996 г. на праздновании 70-летия И. В. Кашпурова во Дворце детского творчества г. Ставрополя о нем было сказано: *«большой русский поэт»*. Через две недели после смерти поэта, 28 ноября 1997г. газета «Родина» публикацию, посвященную памяти Ивана Васильевича, открыла фразой: «На 72-м году жизни остановилось сердце *большого поэта России – Ивана Васильевича Кашпурова*».

Через два года, в ноябре 2000 г., Ю. Самольянова заметку об открытии мемориальной доски на доме, где жил поэт, завершала мыслью, что теперь эта доска будет напоминать прохожим о том, что «рядом с ними жил, ходил, гулял *российский* поэт Иван Кашпуров». В октябре 2001 г. публикацию подборки стихотворений покойного уже поэта редакция газеты «Ставропольская

правда» предварила словами: «14 октября исполняется 75 лет со дня рождения Ивана Кашпулова – известного *ставропольского и российского поэта*». Через год З. М. Поздняева страницы, посвященные творчеству Ивана Васильевича в книге «Живая душа искусства», завершила фразой: «Его более чем два десятка книг (6 из них изданы в Москве), стихотворения и поэмы, переводы поэтов Украины и Осетии, Карачая и Кабарды, Черкесии и Калмыкии, Болгарии и Франции – достойная ветка *в поэтическом венке России*».

Еще через несколько лет в предисловии к подборке стихотворений в альманахе «Литературное Ставрополье» И. В. Кашпулов аттестовался как «*известный российский поэт*». В том же номере альманаха в статье «Певец Ставрополья», посвященной 80-летию поэта, литературовед Л. П. Егорова ввела творчество И. В. Кашпулова в общероссийское поэтическое пространство и через год снова повторила сказанное в учебном пособии по культурологии: «В *историю русской поэзии* Иван Кашпулов вошел со своими ценностными нравственно-эстетическими ориентирами...».

Из творческой биографии поэта

И. В. Кашпулов родился 14 октября 1926 года в с. Калиновском Александровского района Ставропольского края. В школу он пошел в девять лет. Здесь он овладел грамотой и приобщился к поэзии: посещал поэтический кружок в Александровском, докуда добирался пешком за восемнадцать километров. После окончания семилетки в феврале – марте 1944 г. был призван в армию, но непосредственного участия в боевых действиях Великой Отечественной войны не принимал. В ноябре 1946 г. он был привлечен к работе окружного совещания красноармейских поэтов и писателей в Баку, хотя первое его стихотворение было опубликовано позже – 1 января 1949 года в армейской газете Закавказского военного округа «Советский патриот».

После увольнения в запас переехал в Ставрополь, учился в вечерней школе, затем заочно – в Ставропольском государственном педагогическом институте, работал билетным контролером, экспедитором хлебозавода, инспектором госстраха, посещал литературное объединение при газете «Ставропольская правда» и тогда же, 23 октября 1949 г., в этой же газете было опубликовано его стихотворение «Ставропольская осень». В следующем 1950-м начинающий поэт опубликовал 2, в 1951-м – 7, 1952 г. – 11 стихотворений.

В этом же году по рекомендации Ставропольского отделения Союза писателей он был зачислен в Литературный институт им. Горького, который окончил в 1957 г. Выпускная квалификационная работа Кашпулова называлась «Над Ставрополем утро». А за год до этого (1956) вышел первый

сборник его стихов «Дыхание степи», а еще через год (1958) Иван Васильевич был принят в Союз писателей СССР, и тогда же увидел свет его второй сборник стихов «Над седьми курганами».

После окончания Литературного института И. В. Кашпуров работал в редакциях газет гг. Черкесска, Калинина, Запорожья. На Украину Иван Васильевич с семьей переехал весной 1959 г. и сразу включился в творческую работу. Здесь поэтом было выпущено четыре сборника: «Родины почетный сталевар» (1959), «Мои позывные» (1961), «Крылья» (1964), «Версты» (1967). Отметим и тот факт, что именно на годы пребывания на Украине приходится становление Кашпулова – эпика: после поэмы «Родины почетный сталевар» в ноябре 1961 года была создана поэма «Апрель», в том же 1961-м была завершена начатая еще в 1958 г. поэма «Утоление жажды»; в сентябре 1962 г. была закончена поэма «Аппассионата», в течение 1963 года были написаны 3 поэмы: в январе – марте – «Андреев», в апреле – «Земля», в июне – «Село в степи». Все они были включены в сборник 1964 года «Крылья». «Поэма про гармонь» была завершена в 1964 г. и впервые опубликована в том же году в газете «Ставропольская правда», в следующем 1965-м был закончен и тогда же опубликован в «Ставропольской правде» венок сонетов «Окоем»...

Человеческая и творческая судьба Ивана Васильевича на Украине складывалась неплохо, но в 1967 году семья оставила налаженный быт, устоявшийся круг общения и вернулась в Ставрополь, где поэт прожил до конца жизни. И все последующие 30 лет были плодотворными в издательском плане: с 1968 по 1996 гг. он выпустил в свет 20 книг, включая детские и переводные сборники. Эти же годы были наполнены работой и другого характера: Кашпуров был назначен заведующим бюро пропаганды краевого отделения Союза писателей, а в 1979 г. – избран ответственным секретарем краевой писательской организации, и эту обязанность исполнял до 1987 г.

Многие годы И. В. Кашпуров являлся членом бюро краевой писательской организации, членом редколлегии альманаха «Ставрополье» и издательства «Современник», принимал участие в работе шестого съезда писателей России (был избран членом правления Союза писателей РСФСР), затем седьмого и восьмого съездов писателей СССР. На последнем из них он был введен в состав центральной ревизионной комиссии Союза писателей СССР.

Иван Васильевич много сделал для развития культуры и литературы Ставропольского края. И потому не случайно Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 октября 1982 г. за заслуги в области советской культуры ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры

РСФСР», а 22 августа 1986 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР он же был награжден орденом «Знак Почета»...

Последние годы Иван Васильевич тяжело болел, но пера не откладывал, продолжал работать. Последняя его прижизненная книга «Избранные стихи» вышла в свет за год до кончины поэта, которая выпала на 15 ноября 1997 года.

Образ степного Ставрополя

Если рассматривать тематический диапазон кашпуровской поэзии, то в ней можно выделить несколько основных блоков: историко-революционная и связанная с ней ленинская тема, тема Великой Отечественной войны, детства, любви, зарубежья, но главной темой художественного мира поэта стала малая родина – степное Ставрополье. Нельзя сказать, что Кашпуров первым открыл эту тему, до него к ней обращались и А. Исаков, и А. Седугин, но в такой мере, как он, ее не опозитизировал никто.

Все писавшие о Кашпурове отмечали, что он – подлинный поэт ставропольских просторов. «Он видит и знает красоту безбрежных полей, свежесть росного туманного утра, шелест и запах степных трав. Лучшие его стихи – о природе родного края», – утверждал В. Алов. «Страна Ивана Кашпунова – Ставрополье, степной край. Его первый, вышедший в 1956 году сборник стихотворений – «Дыхание степи». Название одного из последних – «Даль полынная», – писала Л. П. Егорова, повторяя: «Тематика всех его книг органически связана со Ставропольем».

Не могла обойти вниманием этот вопрос и такой исследователь творчества Кашпунова, как Т. П. Батурина. «Ставрополье – его природа, его люди, его история – это естественная стихия творческого мира поэта, не только дающая содержание его стихам, но и составляющая его художественный арсенал». Критик отметила, что Кашпуров особенно силен в изображении степей Ставрополя, им посвящены его лучшие стихи. «Первозданность природы, ее самостоятельное существование привлекают поэта, но более – человек в мире природы», – писала она в одной из статей, а в другой снова возвращалась к этой же проблеме: «Кашпунова называют поэтом Ставрополя. Действительно, в его стихах воссоздан облик этого богатого и своеобразного степного края, раскинувшегося в предгорьях Кавказских гор. Он сумел увидеть и запечатлеть в своих стихах общие черты природы края, его жизни и быта».

Рассмотрим некоторые проявления образа ставропольской степи.

Одним из самых частотных в поэтическом словаре И. В. Кашпунова лексем является «степь», вместе с производными составляющее 255 упоминаний! И это не случайно, потому что степь представлена в его поэзии

богато и разнообразно. Если рассмотреть степные пейзажи Кашпурова в аспекте изображаемого сезона, то нужно сказать, что они охватывают все времена года: среди его картин природы есть весенние («Весенний триптих», «День весенний», «Весенние ветры», «Март», «Еще вчера метели дули», «Зов дорог», «Гуси», «За Ачикулаком» и др.), летние («Летний сонет», «Летние туманы», «Кругом июнь», «Август», «Августовские звезды», «Засуха», «Тяга земли», «Луговая музыка» и др.), осенние («Осенняя баллада», «Гуляет осень», «Начало осени», «На юге осенью», «Сентябрь», «Ясени желтые», «Ветра сизое крыло», «Поющая степь» и др.) и зимние («Зима», «Снег», «В зимнем лесу», «Музыка в лесу», «Принесла зима дары», «В метель», «О, как бесчинствовали вьюги» и др.). Как ни покажется странным, но среди сезонных пейзажей у Кашпурова преобладают именно зимние. Проиллюстрируем сказанное некоторыми примерами. Вот весенняя пейзажная картина:

Потаял снег.
Протряхшая тропиночка
и даль степи –
полыни сизый дым,
и слышится, как иволгой тростиночка
заходится под ветром молодым.
Ликует день, хотя совсем не праздничный,
парует зябь, устав от холодов,
и в небесах, бездонных от прозрачности,
звенят лучи,
звенят на сто ладов.

(«Весенний сонет»)

Летняя зарисовка дана через восприятие лирического «я» автора:

Люблю я степь, люблю в июне лето.
В полях призывно бьют перепела,
и даль, покоем сумерек одета,
во сне качает огоньки села.

(«Летний сонет»)

Осенняя картина раскрыта через обращение к читателю:

Вы были в осенней степи
или не были,
когда журавлей провожая в полет,
равнина ли щедрая,

доброе небо ли
и грустно, и радостно вслед им поет?

(«Поющая степь»)

Зимний пейзаж, где, как и в последующих примерах, дано авторское описание:

Заметены и рытвины, и складки.
Под белым небом – белые поля,
и сдобными сухариками сладко
хрустят снега в начале февраля.
Уже прошла зимы пора глухая –
длиннее дни, но злее холода,
и по степи поземка, полыхая,
несется вдаль, чтоб сгинуть без следа.

(«Зимний сонет»)

Иссушающий летний зной:

Ходит дождь вокруг да около,
ходят грозы стороной.
Над землей мечом дамокловым –
солнце яростное. Зной.
Колоски из трубки выбились
и сгорели на корню.
Черный ветер
степи выбелил –
не найти травы коню.

(«Засуха»)

Описание степи во время дождя:

...А солнце плавилось в зените.
Но тучка выползла – и вот
дождя капроновые нити
заштриховали небосвод.
И разогнули спины травы,
и рты разинули цветы,
и дождь смеется, весел нравом,
и льется, льется с высоты.

(«Дождь»)

Если проанализировать кашпуровские пейзажи с позиции изображенного времени, то необходимо отметить, что природа в них воспроизведена в любое время суток: и в утренние часы («Степное утро», «До света выйди», «Сенокос», «Земля поет», «Дивчина на кургане» и др.), и в дневные («Тишина», «Садовник», «Дорога в лето», «В летней Калиновке» и др.), и в вечерние («В поле вечером», «Доярка книгу пишет», «Костры», «Мы гуляем с тобой» и др.), и в ночные («Ночь», «Полночь. Степь», «У чабанского костра», «Подарок случая», «Скрипка в степи», «Лунные флейты» и др.):

Летний день.
Орлы парят над полем,
до темна неся свой караул.
В знойной тишине
на Ставрополье
каждый колос
в дрёме утонул.

(«Тишина»)

Вечер.
Небо звёздами роится.
Бьёт в антенну радиоволна.
Не спеша
всплывает над станицей
пахнувшая степью тишина.

(«Доярка книгу пишет»)

Полночь
Степь.
Над головой Стожары.
Стойкий запах
днем привядших трав.
Нехотя у дремлющей отары
гавкает на небо волкодав.

(«Ночью в степи»)

И все же у Кашпулова преобладают степные пейзажи, увиденные в час рассвета. Именно состояние природы в момент рождения дня больше всего интересует его:

За город выйди в луг поемный
и ветерку подставь лицо,

и жди, когда на небе темном
заря проклюнется птенцом.
Минуты эти полны тайны
рожденья луговых цветов.
Вот огонек необычайный
горошек выметнуть готов.
А там ромашки-молодицы
собрались в стайку, зелены,
открыли белые ресницы,
как будто чем удивлены.
Но лишь польется-разольется
заря, затопит небеса –
и вспыхнет синяя роса
на синих-синих колокольцах...

(«Родимый край»)

Но степь у Кашпурова измеряется не только сезонными и суточными периодами, она предстает и в неожиданном ракурсе. Кто бы мог себе представить, что степь как-либо связана с музыкой? Кашпуров услышал ее взволнованно-мажорный напев:

На сивых буграх, словно скрипки, неистово
выводят осенний мотив ковыли.
С высокого звука до самого низкого
печаль в поднебесье несут журавли.
Но вот сковородник серебряным голосом
лишь вступит за флейтой полыни, и вдруг –
вся древняя степь, вся – курганная, голая –
былинкой любой отзовется вокруг.
Тут звуки слоятся, дробятся, сплетаются
в какой-то языческий утренний гимн.
Мне кажется, звезды над степью слетаются,
чтоб вторить взволнованно ритмам земным.
Тут ветер каспийский в осенние месяцы
на крыльях широких – и крепок, и смел –
десятой симфонией радости мечется,
которой Бетховен создать не успел.

(«Поющая степь»)

Не менее музыкальна степь и летом:

Кузнечики на скрипочках
пиликают окрест,
встает трава на цыпочки
и слушает оркестр.
Трава пружинит мускулы –
дрожат в росе лучи.
А луговая музыка
со всех сторон звучит.
Шалфеи, маки дикие,
кукушник, зверобой,
повиты нежной викою,
кивают головой.
Луга весь день качаются,
даль музыкой полна,
веселье не кончается
до самого темна.
До вечера, до вечера
льют скрипки голоса.
На светлый мир доверчиво
глядят цветов глаза...

(«Луговая музыка»)

Говоря о степной теме Кашпурова, необходимо отметить еще один аспект ее изображения: она врачует и просветляет, снимает обиду с души человека. Еще в одном из ранних стихотворений «Игнат Песков» Кашпуров вывел образ занедужившего старика, месяцами не поднимавшегося с постели, и вдруг он поправился, стоило только внуку вывезти его в родные поля:

В хлеба Игнат забрел с трудом
и шепчет: «Вот чисты!..»
А на лицо – роса дождем
с колосьев налитых.
Потом он глянул на коня
и приказал: «Не стой,
езжай, Илюха, без меня, –
дойду и сам домой».

Уже позднее в стихотворении «Обида» Кашпуров показал, как степь принимает в себя боль человека, освобождает его от внутренней сумятицы, возвращает ему душевное равновесие:

Когда обида ранит сердце, –
я в степь, на ветер голубой,
из улки выйду, как из сенцев
и дверью хлопну за собой.
И враз отстанут все наветы
и все недобрые слова,
и небо взыщет горним светом,
и тихой нежностью – трава.

Помимо того, степь еще способна омолаживать людей, дарить им бодрость, наполнять оптимизмом, ощущением счастья:

Полынного ветра причастье
снимает с десятков годов,
и я задохнуться от счастья,
от свежести ранней готов...

(«Тяга земли»)

И степь эта не абстрактная, не безымянная, а Ставропольская, и мы об этом догадываемся не только потому, что Кашпуров ставропольчанин и воспевать мог только родные степи. Поэт неоднократно названиями своих произведений закреплял ее принадлежность: «За Ачикулаком», «Родимый край», «Май на Ставрополье», «Ставрополье»... Поэтической визитной карточкой края стали известные его строки:

Ах, Ставрополье, – синий край России,
ты – песня эскадронная отцов.
Меня сады, поля твои растили
под птичий грай и перезвон овсов.
Мне открывали даль твои рассветы,
а стрепеты – немятую траву...
Куда б меня ни заманили ветры –
тебя от сердца я не оторву.

(«Ставрополье»)

По эмоциональной тональности пейзажи Кашпунова жизнерадостны. Иной раз в них может проскользнуть и «грустное молчание», но чаще всего в них отражено состояние задора и веселья: «заячьи *веселые* следы», зорька сулит «*веселье* и тепло», «сады выходят воинством *веселым*», «дождь смеется, *весел* нравом», «рассвет следит *веселым* взглядом / как растут и ширятся поля», «пахнут яблони горьковато / под *веселой* большой луной», «мне навстречу спешит деревцами / *веселый* Затеречный».

Динамизм является сущностной чертой поэзии Кашпурова. Это же качество имеет непосредственное отношение и к пейзажной части его стихов: «степные вешние дороги / в широкий мир зовут», «хаты кажутся парусами / *уплывающих кораблей*», «ты так *спешишь – скорей, скорей!* – / что ни деревья, ни станицы / в воде бушующей твоей / не успевают отразиться». Но чаще всего динамика пейзажных стихотворений обеспечивается образом ветра: «*ветерок, бродяга одичалый, / за село влечет меня не зря*», «от Ачучева до Бердянска / *ветер мечется как шальной*», «с *диким гиком кружит по полям / разьянварский буран гулевой*».

В стихотворении «Осенняя баллада» поэт провозглашал: «Я с детских лет, что книгу, степь читаю, / до сотни букв-травинок назову». И это не просто красивая декларация, а констатация неоспоримого факта: в стихах ставропольского поэта, посвященных природе, богато представлен растительный мир, в них удивляет «разнотравья кутерьма». Достаточно заметить, что слово «трава» в словаре Кашпурова встречается 127 раз, «цветы» – 65. Но особенность ставропольского поэта заключается в том, что для него были недостаточны общие обозначения, он предпочитал конкретные названия: девясил, донник, иван-чай, камыш, кашка, клевер, лебеда, пырей, чабрец. Поэт вводил в стихи не только апробированные в литературе наименования, но и те, что мало или вообще не были представлены в поэзии: брица, деревей, зултурган, курай, печерица, ряска, сковородник, спорыш, и даже такое специфическое растение, как эспарцет («здесь эспарцеты летом рдяны»). Кашпуров подбирает не только благозвучные, обладающие поэтическим ореолом наименования (тимьян, шалфей, чернобыл, кукушник, ковыль, полынь), но обращается и к таким растениям, которые никакой поэтичностью не обладают: бузлак, репей, лопух, крапива. Всего в словаре Кашпурова встречаются наименования 34 трав, из них наибольшей частотностью обладают ковыль и полынь.

Свое место в кашпуровском растительном мире занимают и цветы: астра, бессмертник, гвоздика, герань, горичвет, левкой, мак, пион, пролески, ромашка, хризантема – всего 15 наименований. В лирике Кашпурова присутствуют названия бахчевых культур, овощей, огородных растений, хлебных злаков, ягод. Флористическую картину Кашпурова дополняют различные деревья и кустарники. Само слово «дерево» использовано поэтом 80 раз, но он предпочитает иметь дело с конкретными породами, будь то плодовые (абрикос, алыча, вишня, груша, слива, черешня, яблоня) или вечнозеленые: ель, сосна, кедр. Гораздо разнообразнее выглядят лиственные: акация, береза, верба, дуб, калина, каштан, клен, липа, орешина, сирень, тополь, ясень. Всего в произведениях Кашпурова нашло отражение 51

наименование деревьев и кустарников, среди которых наибольшей частотностью обладает тополь, что кажется совершенно естественным, так как на юге он является одним из самых распространенных деревьев. Самая популярная в русской лирике «береза» в словаре Кашпулова встречается только 19 раз и по степени употребительности почти не отличается от клена, сосны или вяза, а такое рядовое для Ставрополя дерево, как яблоня, используется даже чаще. Отметим и тот факт, что многократно воспетая в русской фольклорной песне и авторской поэзии рябина ни разу в стихах Кашпулова не встречается. Кашпуров не следует слепо установившимся литературным традициям: в его стихах наибольшей частотностью обладают те деревья, которые на его родине встречаются чаще. Этот вывод подтверждается и наблюдениями над экзотическими деревьями, встречающимися исключительно редко.

Свое представительство в творчестве поэта нашла и фауна: домашние животные (конь, корова, бык, овца, коза, свинья, собака, кошка), дикие звери (заяц, волк, медведь, лиса, еж); очень редко выступают экзотические животные: сайгак, жираф, кенгуру, носорог. Пернатые воспроизведены гораздо богаче – 39 различных наименований! Само слово «птица» упоминается 75 раз. Отряд домашних птиц представляют гусь, петух, курица, индюк, утка; хищные – беркут, коршун, сокол, ястреб, орел. Дикие птицы начинаются воробьем и галкой и заканчиваются лебедью и журавлем, между которыми располагаются грач, голубь, ворона, дрозд, дрофа, жаворонок, зяблик, иволга, кукушка, куропатка, ласточка, перепел, синица, скворец, снегирь. Кашпуров вводит в литературный оборот названия птиц, мало встречающихся в поэтической практике: вальдшнеп, крыж, стрепет, и, наоборот, исключительно редко обращается к воспетым бесчисленное количество раз, ставшим своеобразными поэтическими символами, лебеди и соловью. Показательно, что больше всего упоминаний приходится на не столь поэтическое создание, как гусь, а такие распространенные в поэзии образы орла и журавля у Кашпулова не столь часты и по степени упоминаний не превосходят перепелов.

В лирике Кашпулова нашло отражение многообразие проявлений природного мира: более 30 наименований домашних и диких животных, около 40 названий птиц, более 50 пород деревьев и кустарников, около 40 видов степных трав, а помимо того еще цветы, хлебные злаки, огородные растения, бахчевые культуры, овощи, ягоды. Растительный и животный мир представлен настолько широко и многообразно, что можно говорить об отражении в ней почти всей флоры и фауны региона.

В книге Л. Л. Бельской «Песенное слово», посвященное творчеству С. А. Есенина, говорится, что природный мир поэта «заселен множеством «жителей» – от лопуха и крапивы до тополя и дуба, от мыши и лягушки – до коровы и медведя, от воробья до орла». Приведенный материал убеждает, что эти слова с полным правом можно отнести и к поэзии Кашпурова.

«С Кашпуровым в поэзию пришла духовитая степь, полная шорохов и голосов, «география» Ставрополя, ее достопримечательности», – писал А. Мосинцев. И это действительно так. В его стихах упоминаются горы Недреманная и Голубиная, реки Кубань, Кума, Калаус, Кучерлинка, а также Маныч, Чограй, Арзгирские озера; названия населенных пунктов: Невинномысск, Польский, Ачикулак, Арзгир, Рагули, Северное, Малые Ягуры, Куликовы Копани, а следующим городам, селам и хуторам посвящены отдельные стихотворения: Ставрополь, Ессентуки, Кевсала, Иргаклы, Извещательный, Елизаветинка, Затеречный. Также отдельные стихи посвящены Стрижаменту, Машуку, Разрытой горе, горе Кинжалу, Шести курганам, Прикумскому парку, Сосновой горке, Бабкиному лесу, Вдовину колодцу, Терновскому мосту. Вряд ли какой-либо другой ставропольский писатель может представить такое обилие топонимов края.

В этом плане небезынтересно отметить и тот факт, что самым употребительным среди топонимов Кашпурова является название нашего края, воспроизведенное в двух формах: Ставрополье – 35 раз и Ставропольский – 12 раз. Всего, таким образом, – 47.

В статье «Прошлое звучит в памяти» И. В. Кашпуров писал: «Любовь к родине естественна, как дыхание. Родина, земля, где родился, некрасивой не бывает. Она прекрасна уже тем, что живет в твоей душе, а степь это или горы, леса или пустыня – значения не имеет. Моя родина – Ставрополье. А если конкретнее – степное село Калиновское. Я очень люблю его и горжусь им. Я посвятил Калиновке и калиновцам десятки стихотворений и поэм. Это – моя молитва, песнь любви моей малой родине».

Действительно, в книгах поэта родному краю и землякам отводится немало места. Если попытаться собрать воедино произведения, посвященные родному селу, получится достаточно внушительный список: «Возвращение в станицу», «Ночью» («Спит село Калиновка в низине»), «Пишет в город учителька», «В душе осенняя острота», «Калиновка», «Моя Калиновка», «Так начиналась Калиновка», «Песня Калиновке», «В зимней Калиновке», «В летней Калиновке», «Павшим за Калиновку», «Патриархальщина – не мода», «Противоречивые стихи», поэма «Село в степи»; тематически непосредственно связаны с Калиновкой и стихотворения: «Наша хата», «Мамин яшень», «Возле наших ворот», «Моя речка», «Нас обольщают сто

дорог», «Бочарова школа», «Гандарин сад», «Семенова гремучка»... Последние три стихотворения уже в своих названиях фиксируют и закрепляют в поэтическом тексте еще одно любопытное явление поэзии Кашпурова, – топонимику родного села. Но названия калиновских мест и его окрестностей щедро рассыпаны и в других произведениях: «Знакомство с миром начиналось просто, / с картавого *Семенова ключа*» («От имени сверстников»), «Было как-то тихо, пустотело / в золотом *Гандарином саду*» («Журавли цепочкою недлинной»), «Вот Кузьмич с дубинкою кизиловой / гонит стадо к *Михневой горе*» («Родина»), «Над *Орловой горой* раскосматились тучи» («Председатель»), «Калиновкой, своей родной станицей, / люблюсь вновь с *Верёвкиной горы*» («Страницы детства»), «Но это было и вчера, / и год назад, и два, и боле, / все те же хаты, речка, поле, / а дальше – *Лысая гора*» («Нас обольщают сто дорог»).

А стихотворение «В душе осенняя остуда» хочется воспроизвести целиком, т. к. оно не только использует топонимику села, но и выражает отношение к святыням сердца, способным поддержать, влить новую силу, ободрить, обновить душу:

В душе осенняя остуда,
печаль туманная с утра.
Но, видно, нет добра без худа,
как нет и худа без добра.
Я ухожу за летом следом
просторной степью сентября,
где льется утро тихим светом,
ковыль на взгорьях серебра.
Родная весь, я поименно
тут знаю всех, и все – меня.
Позволь напиться, *ключ Семенов;*
Букреев сад, дай у огня
твоих пылающих орешен
согреться мне. Ведь столько
прошло, как я на этой грешной
земле влюбился в белый свет!
Поклон тебе, *Лопатин камень!*
Дай твердости моей душе,
чтоб не сгибаться под ветрами
былинкой тонкой на меже...
К родному сердцем прикоснуться
в минуты горькие беды, –

как на сенной копне проснуться
или испить живой воды.

Предыдущий материал наглядно продемонстрировал, что в лирике Кашпурова богато представлена краевая топонимика, и одним из самых частотных среди них является название Калиновки, воспроизведенное в поэтических текстах 41 раз.

«Село Калиновка в Ставропольской степи – та точка отсчета, с которой началась его строка», – писала о Кашпуrove известный литературный критик Н. Капиева. В несколько измененной форме эта же мысль прозвучала из уст ставропольского писателя А. Куприна во время выступления на «Кашпуровских чтениях» в с. Калиновском осенью 2006 г.: «Слово имеет огромную силу, особенно если это поэтическое слово. Но любая сила бессильна без точки опоры. Здесь, на Александровской земле, есть такая точка опоры...» И потому совершенно неслучайно, что Иван Васильевич своей поэтической родиной считал не Литературный институт в Москве, где он получил соответствующее образование, а свою малую родину:

И если б я подумал мало-мальски,
то сам себе признался бы не раз:
Семенов ключ – навек мой ключ Кастальский,
гора Орлова – гордый мой Парнас.

В одном из последних, прощальных стихотворений «Я вернусь» (1997) Кашпуров еще раз поэтически закрепил свое отношение к родным весям: «*Я любил мою землю любовью звериной...*»

Но стихи о Калиновке это только одна часть произведений о родине, другая, не менее важная, заключается в людях, населяющих и украшающих собой этот край. Литературная критика давно заметила приверженность Кашпурова к изображению конкретных людей с их подлинными именами, невыдуманной судьбой, свойственными только им личными чертами характера. «Поэт любит своих земляков, и хочется ему о них рассказать поименно», – говорила по этому поводу Т. П. Батурина и в другой работе продолжала: «Большей частью герои Кашпурова – это люди от земли, близкие поэту и по духу, и по происхождению». «Он видит свой долг поэта сохранить в памяти людской всех, творивших добро», – подтверждает и Л. П. Егорова. В той же тональности на эту же тему рассуждал и В. Белоусов: «Тот, кто следит за творчеством И. Кашпурова, видимо, не мог не заметить, что поэт любит писать о реальных людях, в частности, о своих земляках из села Калиновки. Кашпуров прекрасно знает этих людей, они вошли в его память с детства, с юности, вошли вместе со своими маленькими привычками, особенностями

характера, излюбленными словечками, шутками, высокими душевными порывами и смешными слабостями. Вот почему и в стихах они, как правило, предстают живыми, симпатичными, вызывают к себе добрые чувства. Многим хорошим людям Кашпуров поставил поэтические памятники». Кто они, эти степные герои поэта?

Это старый хлебороб Игнат Песков и садовник Паромон Кузьмич, «довоенных годов почтальон» Василий Прокофьевич Селин и председатель колхоза И. Л. Колесников, доярка Наталья Ефремчева и агроном Николай Мочалов, династия механизаторов Исаковых и бригадир Дмитрий Евглевский, рожечник Фролка Часовской и гармонист Федя Ходарин, простоватый, безбидный Мика Жернов и «насмешник, бражник» Петька Кузовель, первый сельский тракторист Михо Комаров и старичок Данилок, участник гражданской войны Тимофей Васильич Басов и друг детства Митя Коваленков, Татьяна Павловна и Василий Михайлович Кашпуровы – родители поэта... Всего в произведениях Кашпунова воспроизведены имена 32 калиновцев. Это им посвящены стихотворения «Игнат Песков», «Паромон Кузьмич», «Фролка Часовской», «Николай Мочалов», «Комаров Михо», «Песня Наталье Ефремчевой», «Песня Тимофею Басову», «Исаковы», «Данилок», «Встреча с другом», «Почтальон», «Такой был хлеб», «Мамины вечера», «Стихи об отце», «Орден Красной Звезды» и поэмы «Песнь о друге», «Обида Петьки Кузовля», «Несмешная история», «Поэма про гармонь».

Мы понимаем, что слова «Родная весь, я поименно / тут знаю всех, и все – меня» не просто поэтическая декларация, а констатация неоспоримого факта. 14 июня 1998 г., воздавая дань уважения своему земляку, калиновцы бывшую улицу Виноградную своего села переименовали в Кашпуровскую. Александровская поэтесса Любовь Шубная писала по этому поводу:

Сегодня праздник новой улицы.
И тем Калиновка горда,
Что больше про нее написано,
Чем про большие города!
Что знают имена калиновцев
В столицах самых дальних стран,
И связаны навек два добрых имени –
Калиновка и Кашпуров Иван.

С первых шагов в литературе и до последних дней творческой жизни центральной темой своей поэзии Кашпуров избрал родное Ставрополье. Недаром его и поныне зовут певцом ставропольских просторов. Он открыл этот поэтический материк, с ним вошел и остался в истории русской поэзии. Никто до Кашпунова и после него не сумел с такой неподдельной любовью и

мастерством воспроизвести в литературе этот степной край со множеством его географических и пейзажных примет, городов и сел, портретами земляков. В этом поэт видел свое предназначение, о чем сказано в поздней поэтической декларации, обращенной к родной земле:

Я верный сын твой, я твоя надежда,
и я твой Пимен – Кашпуров Иван.

Берег сбывшихся надежд

*Бутенко Владимир Павлович,
писатель, поэт, лауреат литературной
премии имени В. И. Сядневой*

Игорь взял для своих книг псевдоним – Берег. Псевдоним удивительно точный, поскольку выражает и суть его творческой природы, и вектор литературных устремлений. Всем сердцем он любил море и дальние поездки.

Помню его публикацию в первой книге фантастики, выпущенной Ставропольским книжным издательством на излете восьмидесятых годов минувшего века. В ней был рассказ Игоря «Все вещи мира». Уже этим произведением он сразу шагнул в большую фантастическую прозу, получив высокую оценку корифеев – братьев Стругацких. А потом было безвременье девяностых годов, но он по-прежнему жил в поиске, писал повести и рассказы, первые военно-приключенческие романы. Как раз в этот период мы, оба рожденные под знаком Близнецы и почти ровесники, тесно сошлись, вдвоем стали работать в альманахе «Литературное Ставрополье».

Нет близости дороже, чем духовная, и взаимопонимание на уровне интуиции. Альманах, по нашей задумке, должен был публиковать материалы высокого уровня и быть живым, нужным читателям. И это вскоре нам удалось сделать. А Игорь с каждым новым романом из серии «Приказ» (так мы называли его книги, где было это слово) совершенствовал мастерство, поражая напряженной фабулой и разнообразием тематики, перенося читателя то в страны Европы, то в Крым, то в Латинскую Америку. Мы, его товарищи, знали, что он награжден медалью за участие в боевых действиях в Анголе, где служил военным переводчиком. Поэтому столь динамичны, достоверны и любимы его книги, в которых борются настоящие мужчины, патриоты России, люди долга и чести. Он сам был таким. И ещё – оптимистом, отмеченным отзывчивостью, теплотой дружелюбия и страстью к путешествиям.

С юности он мечтал стать писателем. И стал одним из лучших российских прозаиков в военно-приключенческом жанре. В день, когда Игоря

не стало, мне с горечью подумалось, что мы, с кем связала его судьба, словно бы остались на жизненном берегу, а он отплыл, и с каждым днем отдаляется, уходит в незримую даль вечности. Писем от него не будет больше. Но остались книги Игоря, в которых он сказал всем нам то, что хотел, что велела его талантливая и мужественная душа.

Поэзии священный бред

Впечатления после перечитывания «Русский рефрен», «Дождь в январе» и «Ангел-подранок» Сергея Сутулова-Катеринича.

*Красуля Василий Александрович,
писатель, журналист*

«Слово – ирреально»... «Ирреальная случайность»... «Мечта и бред»... «Ассоциации, галлюцинации»... При желании можно продолжить до бесконечности наития поэта, ощупывающего самую что ни на есть сокровенную немотную реальность.

Подлинная поэзия – это не описание мира, не отражение, не воспевание, а его творение. И чем с большей смелостью звучит в поэтических строчках заявка на творение, тем больше они – поэзия.

Поэт черпает не из родничков и ручейков, а из первоявленного океана, из архейского планктона еще не распакованных смыслов. Его дело не толковать смыслы, а создавать их.

Поэтому гений для обывателя – бредовый. Но бред это и есть прорыв в реальность. Отблески гениальности в том же спектре, что и бреда.

Гений – это приговор, а не похвальная грамота. Иногда она как золотая кольчуга, жалованная Ермаку Тимофеевичу царем Иоанном Васильевичем, которая по преданию утянула казачьего атамана на дно Иртыша.

Настоящая поэзия отсылает нас в сакральные темные времена, к доисторической матрице, когда символ еще не отделился от реального. Наши древние пращуры участвовали в переходе Крови в Символ. Поэты – они ведь наследники шаманов и жрецов. Исступленный жест, судорога шамана исходили в вопль и выплавлялись в слово. Зарождался речитатив, мантра. И кто-то продолжает это уходящее в глубь тысячелетий дело. Развивает дар полубезумного христианского мистика семнадцатого века Якова Беме, который доносит до нас прямое наблюдение Сущего, открывшееся его внутреннему зрению, поименованному в бессмертной строфе Александра Пушкина как «... поэзии священный бред».

В поэзии нервный импульс мифоточит и мифотворит. В России это открылось символистам в начале двадцатого века. О, незабвенный Велимир Хлебников, великий бюджетлянин и председатель земного шара! Футуристы, символисты, акмеисты. Щир, бур, зыр ...Они проснулись лет на сто раньше, чем надо бы, и многих из них перекутила революционная мясорубка. Они различили подземный гул эпохи, но обманулись в сроках выхода лавы на поверхность.

Но семена прорастают. И может быть, в наши дни мы как никогда близки к тому, чтобы слово стало непосредственно энергией. Человечество ищет источник неиссякаемой энергии в термоядерной реакции, а он – в слове. Об этом прозрения Поэта.